S 36/707

36
707

О. ЕВГЕНІЙ.

О Спасителѣ и о спасеніи.

Ꙗкоже бо ѿ а҆да́мѣ всѝ оу҆мира́ютъ, та́кожде и҆ ѿ Хр҃тѣ всѝ ѿживꙋ́тъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. П. Лопухина (Телѣжный пер., № 3—5).
1899.

О

СПАСИТЕЛѢ

И

О СПАСЕНІИ.

2007041660

О. ЕВГЕНІЙ.

О Спасителѣ и о спасеніи.

Ꙗ҆́коже бо ѿ а҆да́мѣ всѝ оу҆мира́ютъ, та́кожде и҆ ѿ Хр҃тѣ всѝ ѿживꙋ́тъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. П. Лопухина (Телѣжный пер., № 3–5).
1899.

Извлечено изъ „Церковнаго Вѣстника“ за 1899 г.

Оглавленіе.

Глава I.

О Божественномъ совершенствѣ Господа-Спасителя. . . . . . Стр. 1—9

Всемірный переворотъ, произведенный христіанствомъ, какъ свидѣтельство о необыкновенномъ нравственномъ совершенствѣ Господа І. Христа. — Краткая характеристика богочеловѣческаго Лица Христова. — Невозможность приписать Ему опредѣленный темпераментъ. — Безгрѣшность Богочеловѣка. — Отзывы о ней отрицательной критики. — Евангельскія свидѣтельства и достовѣрность ихъ.

Глава II.

Объ изначальности сознанія Христомъ-Спасителемъ Своего богосыновства и Своей безгрѣшности. . . . . . Стр. 9—20

Необычайность такого сознанія. — Замѣчаніе Штрауса. — Самосвидѣтельство Іисуса. — Выводъ о сверхъестественномъ рожденіи Богочеловѣка. — Значеніе наименованій: „Сынъ человѣческій“ и „Сынъ Божій“.

Глава III.

Объ особенномъ отношеніи Богочеловѣка къ новозавѣтному откровенію и объ условіяхъ нашего искупленія. . . . . . Стр. 20—25

Исключительное положеніе богочеловѣческаго Лица Христа-Спасителя въ христіанствѣ по сравненію съ положеніемъ „религіозныхъ геніевъ“ въ основанныхъ ими религіяхъ. — Ученіе объ искупленіи въ естественныхъ религіяхъ и превосходство христіанскаго ученія.

Глава IV.

О пророческомъ и первосвященническомъ служеніяхъ Господа-Спасителя . . . . . Стр. 25—35

Проповѣдь Спасителя о царствіи небесномъ.— Церковное учительство, какъ продолженіе проповѣди Христа и апостоловъ. — Христіанское ученіе о грѣхѣ. — Потребность въ искупленіи. — Необходимость первосвященническаго служенія Искупителя. — Понятіе объ этомъ служеніи и содержаніе послѣдняго.

Глава V.

Объ искупленіи чрезъ страданія и смерть невиннаго Богочеловѣка . . . . . Стр. 35—47

Осужденіе грѣха и удовлетвореніе Божьяго правосудія. — Крестный подвигъ Господа І. Христа въ теченіе земной Его жизни и необыкновенная тяжесть голгоѳскихъ страданій. — Божіе всемогущество въ смерти Искупителя. — Возраженія противъ страданій Невиннаго за виновныхъ и опроверженіе возраженій.

Глава VI.

Воскресеніе Христово . . . . . Стр. 47—56

Необычайность чуда воскресенія Христова.— Его дѣйствіе на апостоловъ. — Необъяснимость происхожденія апостольской вѣры въ тѣлесное воскресеніе Господа безъ дѣйствительности самаго воскресенія. — Отрицательныя теоріи и опроверженіе ихъ. — Значеніе воскресенія Христова для міровой исторіи и для жизни каждаго вѣрующаго. — Воскресеніе Христово, какъ непоколебимая основа христіанскаго оптимизма.

ГЛАВА I.

О Божественномъ совершенствѣ Господа Спасителя.

ЧИТАЯ такъ просто и безъ всякихъ прикрасъ написанное Евангеліе, невольно изумляешься величію совершеннаго нашимъ Господомъ-Спасителемъ дѣла. Наше изумленіе возрастаетъ по мѣрѣ углубленія въ тайну человѣческаго спасенія, начавшагося на землѣ почти ни для кого невѣдомымъ образомъ и распространившагося въ мірѣ съ помощью ничтожныхъ по обыкновенному разумѣнію средствъ.

Замѣчательное явленіе! Въ уединенномъ уголкѣ нашей планеты, въ отдаленномъ и почти никому неизвѣстномъ городкѣ Палестины, назадъ тому девятнадцать вѣковъ, рождается младенецъ. Дѣтство и отрочество Свое Онъ проводитъ въ тихомъ уединеніи и въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ выступаетъ въ качествѣ Учителя на общественное служеніе. Не долго, всего только три года, продолжалось оно,—но въ это краткое время совершается безпримѣрное въ исторіи событіе: начинается небывалое доселѣ волненіе сердецъ и умовъ, не успокоившееся даже и до настоящаго времени, совершается великое дѣло, и

донынѣ еще всецѣло захватывающее людей, какъ ни одно изъ какихъ-либо еще другихъ предпріятій на землѣ, провозглашается ученіе и совершаются дѣянія, изъ которыхъ творится новый, давно желанный, благодатный міръ.

Какимъ же неземнымъ совершенствомъ, какою неодолимою нравственною силою надѣлена была та Личность, Которая въ столь краткое время произвела коренной переворотъ въ жизни всего человѣчества? Если бы намъ не приходилось стать въ противорѣчіе съ неотразимымъ фактомъ, то мы, съ общепринятой точки зрѣнія на ходъ міровыхъ событій, легко подверглись бы искушенію — утверждать, что христіанство явилось въ мірѣ по такому же творческому повелѣнію: «да будетъ», которымъ вызвана изъ ничтожества видимая нами вселенная. Не таково, однако, происхожденіе новозавѣтнаго благодатнаго царства, ибо не изъ бездушнаго хаоса творилось оно, но изъ грѣховнаго человѣчества, не чуждаго и послѣ паденія, хотя и извращенныхъ, разума и свободы воли. То же самое творческое Слово, Которымъ сотворено было все небесное и земное, по исполненіи временъ должно было совершить Божіе о Себѣ предопредѣленіе и явиться на землѣ въ человѣческомъ зракѣ, чтобы падшій по злоупотребленію своею свободой человѣкъ такъ же свободно пріялъ и принесенное ему спасеніе. Творческое «да будетъ» несомнѣнно дѣйствовало и при второмъ твореніи, но послѣднее творчество, по особымъ условіямъ созиданія благодатнаго міра, премудро сообразовалось съ историческими законами человѣческаго существованія. Самъ Богъ — Слово добровольно сшелъ съ неба и сталъ въ разрядъ самыхъ обыкновенныхъ и развѣ только единому Сердцевѣдцу извѣстныхъ людей и «прошелъ», по выраженію св. Иринея ліонскаго, «чрезъ всѣ возрасты: сдѣлался младенцемъ для младенцевъ и освятилъ ихъ; сдѣлался юношею для юношей, являясь для нихъ образцомъ и освящая ихъ для Господа»... И, въ самомъ дѣлѣ, подлинно человѣчески переходитъ Богочеловѣкъ изъ дѣт-

ского въ отроческій возрасть и изъ совершеннаго юноши становится столь же совершеннымъ мужемъ. Тѣлесная Его природа нуждается въ пищѣ и питіи такъ же, какъ и у другихъ людей, проситъ отдохновенія и сна; душевная жизнь слагается изъ радостей и печалей, изъ гнѣва и состраданія, изъ неописуемыхъ скорбей и непоколебимой вѣры въ совершенный успѣхъ Своего мессіанскаго дѣла. Въ этой, сообразованной съ обыкновенными законами человѣческаго бытія, тѣлесной и душевной жизни нашего Спасителя содержалась возможность Его—хотя и безгрѣшнаго—искушенія. Искоиный врагъ нашего рода, человѣкоубійца-діаволъ, не преминулъ непосредственно послѣ крещенія искусить Господа. Онъ надѣялся соблазнить и новаго Адама, какъ соблазнилъ древняго, ибо, въ противномъ случаѣ, не предсталъ бы предъ уединеннаго въ пустынѣ нашего Подвигоположника. Именно потому, что Христосъ взалкалъ, какъ человѣкъ, сатана искушаетъ Его забыть о потребностяхъ духа для потребностей плоти и злоупотребить Своею чудодѣйственною силою; именно потому, что по человѣчеству Спаситель скорбѣлъ при видѣ скорбей, страданій и смерти, искуситель соблазняетъ Его отклонить отъ Себя горькую чашу даже и въ тотъ рѣшительный часъ, въ который Самъ Страдалецъ съ наибольшею покорностью Отчей волѣ готовился испить ее для спасенія міра. Несмотря, однако, на цѣлый рядъ упоминаемыхъ и умолчанныхъ въ Евангеліи искушеній (Лк. iv, 13; Евр. v, 7 сл.), Господь остался неуклонно вѣренъ Своему мессіанскому служенію и неуязвимъ для искусительныхъ сатанинскихъ стрѣлъ. Никогда Онъ не увлекался впечатлѣніями минуты, но всегда оставался господиномъ Себя Самого; ни разу Его уста не произносили словъ, никогда руки Его не творили дѣлъ, хотя сколько-нибудь не согласовавшихся съ Его Божественнымъ достоинствомъ или въ которыхъ Онъ долженъ былъ бы съ теченіемъ времени раскаяваться. Ни въ какихъ обстоятельствахъ Его радость не переступала надлежащихъ

границъ или гнѣвъ не переходилъ въ неистовство, озабоченность не обращалась въ робость и скорбь не вырождалась въ отчаяніе. Изъ недосягаемой глубины Его невозмутимой души совсѣмъ не раздавалось рѣзкихъ или диссонирующихъ тоновъ; а наоборотъ—она поражаетъ всякаго необыкновенно возвышеннымъ гармоническимъ своимъ настроеніемъ; тихое спокойствіе и невозмутимый миръ неизмѣнно царили въ Его душевномъ мірѣ. Вотъ почему представляется рѣшительно невозможнымъ приписать Богочеловѣку какой-либо опредѣленный темпераментъ. «Сынъ человѣческій» совершенно чуждъ односторонностей, соединенныхъ съ извѣстнымъ темпераментомъ. Этимъ исключается, однако, какая-либо неопредѣленность или, какъ говорятъ, безцвѣтность Его несравненнаго Лица: Оно имѣетъ совершенно ясныя и опредѣленныя, исполненныя жизни и силы, индивидуальныя черты. Въ Немъ мы видимъ, говоря вообще, строго соразмѣрное сочетаніе лично Ему принадлежащаго съ общечеловѣческимъ. Что обыкновенно раздѣляется между многими, то здѣсь сочетается въ одномъ Лицѣ, только въ безконечно большей пропорціи.

Могла ли, спрашиваемъ мы, богочеловѣческая природа нашего Спасителя обнаружиться въ такой безподобной красотѣ и въ столь несравненномъ совершенствѣ, если бы она была во всемъ подобна нашей? Могла ли какая-либо еще на землѣ душа проявить въ своихъ мысляхъ и чувствахъ такое необыкновенное гармоническое созвучіе, какого исполнена была богочеловѣческая душа нашего Господа? На эти вопросы рѣшительно невозможно дать какого-либо иного, кромѣ отрицательнаго, отвѣта. Никакая душа обыкновеннаго смертнаго не можетъ быть носительницей невозмутимо - гармоническаго настроенія: слѣдовательно, въ Лицѣ Спасителя предъ нами не простой, хотя бы и совершеннѣйшій, человѣкъ, а высшее послѣдняго Существо, Богочеловѣкъ. И, далѣе, обезображенная грѣхомъ человѣческая природа никогда не обнаружилась бы въ безподобной красотѣ и небесномъ

совершенствѣ, какъ это мы видимъ въ Лицѣ нашего Спасителя: слѣдовательно Онъ былъ безгрѣшенъ.

Не требуется никакого напряженія мысли и никакой вынужденной аффектаціи для того, чтобы придти къ такимъ заключеніямъ о несравненномъ совершенствѣ Богочеловѣка-Христа. Наоборотъ, сколько бы ни старался христіанскій писатель начертать болѣе или менѣе вѣрный образъ Господа Іисуса: никакого, даже совершеннѣйшаго, краснорѣчія не станетъ для выраженія небесныхъ совершенствъ «краснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ», и «вѣтія многовѣщанная» вовѣки пребудутъ «якоже рыбы безгласныя» въ своемъ непосильномъ подвигѣ.

Не говоря уже о христіански-настроенныхъ писателяхъ, даже выдающіеся представители отрицательнаго направленія не въ силахъ удержаться отъ восторженныхъ похвалъ Спасителю міра. «Взятое въ цѣломъ»,— такъ пишетъ Ренанъ,— «человѣчество представляетъ собою смѣшеніе низменныхъ и самолюбивыхъ существъ, имѣющихъ превосходство надъ животными въ томъ лишь отношеніи, что ихъ эгоизмъ болѣе сознателенъ. Между тѣмъ, среди этой однообразной вульгарности высятся къ небу столпы и свидѣтельствуютъ о нашемъ болѣе благородномъ предназначеніи. Іисусъ есть высочайшій изъ этихъ столповъ, указующихъ человѣку на то, откуда онъ происходитъ и куда долженъ стремиться. Въ Немъ сочеталось все то, что прекраснаго и возвышеннаго заключается въ нашей природѣ... Никто еще и никогда въ своей жизни не ставилъ интересы человѣчества такъ высоко надъ мірскою суетностью, какъ Онъ. Беззавѣтно преданный Своей идеѣ, Онъ въ такой степени подчинилъ ей все другое, что для Него болѣе уже не существовало цѣлаго міра... Онъ жилъ только въ Своемъ Отцѣ и въ томъ Божественномъ посланничествѣ, въ необходимости совершенія котораго былъ убѣжденъ. — Какія неожиданныя событія ни таились бы въ нѣдрахъ будущаго, Іисусъ никогда не окажется побѣжденнымъ.

Всѣ вѣка будутъ открыто исповѣдовать то, что между сынами человѣческими не рождалось еще большаго по сравненію съ Іисусомъ». Подобно своему французскому собрату, нѣмецкій богословъ-отрицатель, Штраусъ, говоритъ, что «среди лицъ, содѣйствовавшихъ постепенному раскрытію идеала человѣчества, Іисусъ стоитъ на первомъ мѣстѣ». Болѣе двухъ упомянутыхъ писателей сдержанный въ своихъ научныхъ приговорахъ, швейцарскій теологъ Кеймъ изумляется необыкновенному нравственному величію Искупителя по сравненію съ различными всемірноизвѣстными религіозными и нравственными дѣятелями. «Съ Нимъ», т. е. съ Божественнымъ Основателемъ христіанства, пишетъ Кеймъ, «не происходитъ того, что наблюдаемъ у другихъ великихъ дѣятелей въ человѣчествѣ, когда важныя или незначительныя, открытыя или сокровенныя событія по временамъ болѣзненно напоминаютъ о пропасти, отдѣляющей дѣйствительность отъ идеала. Даже и въ томъ случаѣ, когда Его исторія повѣствуется наиболѣе просто и безъ всякихъ прикрасъ, или когда она безъ выдающихся торжественностію моментовъ протекаетъ большею частью въ тиши скромной будничной жизни, даже и въ этомъ случаѣ получается болѣе, чѣмъ выгодное, впечатлѣніе: оно всецѣло овладѣваетъ нами; тогда не вторгается никакого тяжелаго сомнѣнія между идеаломъ, котораго жаждетъ въ Немъ вѣра, и Его Лицомъ. Въ этомъ случаѣ порождается то радостное убѣжденіе вѣры, что, съ Его появленіемъ, сама добродѣтель странствовала по землѣ, и что горестное признаніе древности,— по которому безгрѣшность невозможна, равно какъ и идеалы мудрости и добродѣтели неосуществимы,—нашло въ Немъ свое опроверженіе и свой конецъ. Въ Немъ одномъ—полнота добродѣтелей, ревность по Богѣ и любовь къ человѣчеству, чувство собственнаго достоинства и смиреніе, мужество и самоотверженіе. Каждая добродѣтель настолько полная, ревность настолько пламенная, любовь въ такой степени нѣжная, героизмъ такъ непрекло-

нешъ, самоотверженіе настолько безпредѣльно, что изъ каждаго атома могъ бы произойти великій человѣкъ. Взятая въ цѣломъ, жизнь грандіозная въ своемъ устроеніи, неистощимая въ искушеніяхъ и затрудненіяхъ, поглощающая въ злободневномъ стеченіи обстоятельствъ, потопляющая въ бурныхъ погибельныхъ волнахъ...; и, однако, вездѣ человѣкъ, исполненный силъ для своего дѣла, возрастающій вмѣстѣ съ трудами и въ неодипаковыхъ обстоятельствахъ, совершенный въ несчастіи, которое Онъ обратилъ во благо. Какъ бы далеко, какъ бы глубоко ни проникали мы своимъ взоромъ вокругъ, — невозможно усмотрѣть ни одного дѣйствительнаго, важнаго недостатка, роняющаго Его Самого и Его призваніе. Въ самые трудные, въ самые рѣшительные часы искушенія и огненной пытки несомнѣнная, хотя и трудная, побѣда, находящая для себя объясненіе, въ концѣ концовъ, болѣе въ высочайшихъ нравственныхъ мотивахъ, въ непоколебимой вѣрѣ въ Свое мессіанское посланничество и назначеніе, въ отеческую любовь Божію и въ чудодѣйственную силу, нежели въ ограниченности силы человѣческаго самоотверженія».

Самъ Господь живетъ въ неомрачаемомъ никакими обстоятельствами, всегда ясномъ и непоколебимомъ сознаніи Своей безгрѣшности. Своихъ непримиримыхъ враговъ, слѣдившихъ за каждымъ Его словомъ и дѣйствіемъ, Онъ открыто спрашиваетъ о томъ: кто изъ нихъ обличитъ Его во грѣхѣ? Самъ Онъ никогда, даже на крестѣ, не спрашиваетъ Себѣ прощенія; Свою жизнь Онъ считаетъ искупительною жертвою за многихъ и въ установленіи тайной вечери преподаетъ ученикамъ Свое тѣло и кровь во оставленіе ихъ личныхъ и наслѣдственныхъ грѣховъ. Въ полномъ согласіи съ яснымъ сознаніемъ безгрѣшности, озарявшимъ всю земную жизнь Господа, находится Его богочеловѣческій образъ, начертанный насколько вдохновенными, настолько же и безхитростными галилейскими рыбарями. Какой бы листъ Евангелія ни раскрылся предъ нашими глазами, — нигдѣ не увидятъ

они пятна или порока въ чистомъ и безподобномъ по Своему совершенству Лицѣ Спасителя. Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное Господомъ на апостоловъ, запесенное ими потомъ на страницы священной лѣтописи. Находились такіе ослѣпленные критики Евангелій, которые провозгласили нелѣпую теорію объ искусственномъ идеализированіи апостолами Божественнаго Лица Господа Іисуса. Трудно себѣ представить что-либо болѣе безсмысленное по сравненію съ такимъ утвержденіемъ. Это необразованные рыбари, простецы галилейскіе, люди, по словамъ Самого Господа, косные сердцемъ и умомъ, обойденные роскошными дарами въ этой жизни, гонимые и презрѣнные, не безъ труда водившіе тростью книжника и скорописца—и вдругъ они-то, именно, начертали ни съ чѣмъ несравненный, все превосходящій своимъ небеснымъ совершенствомъ, прекраснѣйшій изъ всего прекраснаго въ этомъ мірѣ образъ своего Учителя! Подлинно, своимъ мастерскимъ изображеніемъ живописатели превзошли бы Самого Живописуемаго! Пусть насъ не упрекаютъ въ забвеніи о пятидесятницѣ, въ которую Самъ Господь послалъ съ неба Св. Духа на Своихъ апостоловъ. Не мы забыли о благодатномъ ихъ озареніи, а наши возражатели если хотятъ быть вѣрны себѣ, то пусть лучше умалчиваютъ о всемъ сверхъестественномъ и объясняютъ его изъ обыкновенныхъ историческихъ условій, или же, не стыдясь сознаться въ своемъ невѣжествѣ, согласятся съ вѣрующими въ томъ, что даже и облагодатствованныхъ человѣческихъ силъ не достанетъ для совершеннаго изображенія Лица Спасителя, и что свв. апостолы оставили намъ въ своихъ писаніяхъ далеко не все, что знали о жизни Своего Учителя, и не въ такой степени, какъ представляется нѣкоторымъ изслѣдователямъ. «Теперь мы видимъ», по словамъ апостола языковъ, «какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу» (1 Кор. хіп, 12).

ГЛАВА II.

Объ изначальности сознанія Христомъ-Спасителемъ Своего богосыновства и Своей безгрѣшности.

Въ исторіи человѣчества, начертавшей на своихъ скрижаляхъ много достославныхъ именъ, нѣтъ ни одного дѣятеля, свободнаго отъ различныхъ недостатковъ: errare humanum est. Только одинъ Сынъ человѣческій стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ по Своему нравственному, какъ и по всякому другому, совершенству. «Откуда у Него такая премудрость и разумъ»? — удивленно спрашивали себя современники Спасителя, слыша Его ученіе и видя Его дѣла. «Откуда у Него такое нравственное совершенство? Изъ какихъ невѣдомыхъ источниковъ произошла Его безгрѣшность»? — невольно спрашиваетъ каждый изъ обыкновенныхъ смертныхъ, въ изумленіи созерцая единаго безгрѣшнаго, Богочеловѣка-Христа.

Привыкнувшіе вращаться въ условномъ и временномъ, мы естественно стремимся приложить мѣру относительнаго совершенства и къ Лицу Спасителя. Но съ самыхъ же первыхъ попытокъ поставить Сына человѣческаго въ ряду съ другими, хотя бы и знаменитѣйшими, человѣческими дѣятелями, каждый воочію убѣдится въ неприложимости естественной мѣры къ сверхъестественному. Какихъ невѣроятныхъ усилій не употребляла отрицательная критика на то, чтобы съ возможно большею точностью отмѣтить тотъ годъ и число, въ какіе изъ подверженнаго общечеловѣческимъ слабостямъ назаретскій Пророкъ обратился въ безгрѣшнаго Господа-Искупителя? Вооруженные всѣми историко-археологическими и экзегетическими данными, новотюбингенцы съ крайне напряженною мыслью всматриваются въ обстоятельства земной жизни нашего Спасителя въ надеждѣ

начертать себѣ схему постепеннаго внутренняго возрастанія Іисуса отъ несовершеннаго къ совершенному. Но всѣ такія и подобныя имъ попытки—отыскать начало происхожденія безгрѣшности Спасителя кончаются полнѣйшей неудачею, ибо вѣчное и совершенное несоизмѣримо съ временнымъ и несовершеннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, будучи только еще двѣнадцатилѣтнимъ Отрокомъ, Господь Самъ свидѣтельствуетъ о совершенно-полномъ и ничѣмъ неомраченномъ Своемъ единеніи съ Богомъ-Отцомъ. «Зачѣмъ вамъ было искать Меня»?—такъ вопрошаетъ Онъ старца Іосифа и Свою Матерь—«или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что̀ принадлежитъ Отцу Моему»? Необычайно знаменательны приведенныя слова въ устахъ божественнаго Отрока. Къ кому бы, кажется, Онъ могъ быть такъ нѣжно, такъ беззавѣтно, такъ неразлучно привязанъ, какъ не къ Своей несравненной Матери, чтобы не давать нималѣйшаго повода къ ея огорченію? И, однако, исполненіемъ Своего мессіанскаго долга среди іудейскихъ учителей назаретскій Отрокъ какъ бы заслоняетъ Свою человѣческую привязанность къ непорочной Матери и забываетъ о Своихъ сыновнихъ обязанностяхъ къ земнымъ родителямъ (Лк. II, 41) во имя безпрекословнаго повиновенія волѣ небеснаго Отца. «Или вы не знали?» недоумѣнно спрашиваетъ Отрокъ Своихъ родителей, — спрашиваетъ, какъ о давно сознанномъ и ясно представляемомъ Себѣ дѣлѣ. Едва ли будетъ ошибочнымъ предположить, что ни родители, ни учители, ни многочисленные слушатели п о к а еще не знали, что Ему «должно быть въ томъ, что принадлежитъ» Его «Отцу» (ст. 49), ибо, въ противномъ случаѣ, какъ родители Іисуса не обратились бы къ Нему съ упрекомъ: «что Ты сдѣлалъ съ нами», такъ и совопросники признали бы въ Отрокѣ высшее, по сравненію съ собою, Существо. Если, далѣе, двѣнадцатилѣтній Отрокъ свидѣтельствуетъ о Своей необыкновенной близости къ небесному Отцу и о Своемъ мессіанскомъ служеніи, какъ о несомнѣнномъ и опознан-

номъ Имъ и только для другихъ пока еще невѣдомомъ Своемъ призваніи, то, стало быть, сознаніе Своего богосыновства въ Немъ родилось ранѣе означеннаго возраста. Въ какой же, хотя приблизительно, возрастъ Младенца-Іисуса падаетъ первый лучъ этого сознанія? Десяти, или восьми, или пяти, трехъ, двухъ лѣтъ отъ рожденія необыкновенный Младенецъ созналъ Себя высшимъ, по сравненію съ другими младенцами, Существомъ, превосходящимъ даже самыхъ лучшихъ Своихъ сверстниковъ, какими были, напримѣръ, Его двоюродные братья? Очевидно, что самый наблюдательный историкъ становится здѣсь въ недоумѣніи предъ таинственною душою Младенца и по совѣсти долженъ согласиться съ тѣмъ, что біографическое «когда» совершенно непримѣнимо къ данному случаю, и что идея богосыновства не есть нравственная добродѣтель или нажитое душевное пріобрѣтеніе, но изначальное состояніе богочеловѣческой души Господа-Іисуса. Онъ р о д и л с я, какъ Богочеловѣкъ, а не сдѣлался Имъ. Что же касается Его сознанія, то имъ не производится чего-либо не существовавшаго ранѣе, а только освѣщается данное состояніе душевной жизни. Въ виду сдѣланныхъ соображеній самому неумолимому отрицателю историческихъ чудесъ остается только признать за несомнѣнный фактъ изначальное, съ перваго же дня земной жизни, нахожденіе въ Младенцѣ-Іисусѣ идеи Своего богосыновства. «Если мы спросимъ», пишетъ Д. Штраусъ, «какъ образовалось въ Іисусѣ это гармоническое душевное настроеніе, то въ находящихся предъ нами данныхъ объ Его жизни нигдѣ нѣтъ указаній на состоянія тяжелой душевной борьбы, изъ которыхъ могло бы произойти это настроеніе. Правда, историческія свѣдѣнія обнимаютъ только краткій періодъ Его общественнаго служенія и, кромѣ того, выставляютъ Его въ такомъ свѣтѣ, при которомъ исключается всякая возможность человѣческаго заблужденія. Поэтому можно было бы предположить, что періоду душерадостнаго единенія съ Самимъ Собою предшествовалъ періодъ го-

рестной борьбы, а можетъ быть и другихъ заблужденій. Однако, — если насъ не обманываютъ всѣ аналогіи,— должны же были бы открыться слѣды этого въ позднѣйшій періодъ Его жизни, насчетъ которой у насъ нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ. Во всѣхъ натурахъ, очищенныхъ посредствомъ борьбы и сильныхъ потрясеній,— припомнимъ Павла, Августина,—раны отъ нихъ остаются на все время, и на всю жизнь къ нимъ приражается нѣчто суровое, горестное и мрачное, чего въ Іисусѣ невозможно найти никакого слѣда. Съ самаго рожденія Іисусъ является въ видѣ прекрасной натуры, нуждавшейся только въ томъ, чтобы раскрываться извнутри себя самой и становиться все болѣе твердой въ себѣ самой»...

Обращаясь къ пророческому служенію Спасителя, мы замѣчаемъ, что Онъ возвѣстилъ о царствіи Божіемъ не какъ о чемъ-либо такомъ, что каждый можетъ и долженъ создать самъ въ себѣ, своими личными усиліями, но какъ о такомъ внутреннемъ благоустроеніи, которое, въ видѣ дара свыше, ниспосылается Самимъ Богомъ и, притомъ, только чрезъ ходатайство Господа-Іисуса. Если мы будемъ имѣть въ виду завершительный пунктъ Его самосознанія и жизни, послѣдній торжественный моментъ предъ Его исходомъ на смерть, и если прислушаемся къ самому несомнѣнному изъ всего того, что намъ передано изъ Его устъ, къ словамъ евхаристіи, то получимъ въ нихъ твердое свидѣтельство о нашей грѣховности и о безгрѣшности своего Спасителя. Изъ этихъ словъ видно, что даже самые лучшіе и самые благочестивые израильтяне, каковыми были Его апостолы, для своего спасенія нуждались въ посредникѣ предъ Богомъ, и только Онъ одинъ изъ всѣхъ не нуждался въ таковомъ, а наоборотъ—Самъ является таковымъ Посредникомъ, непорочнымъ Агнцемъ. Не имѣя нужды въ примиреніи, этотъ Агнецъ предаетъ Самъ Себя за всѣхъ спасаемыхъ. Судя по всему, что можемъ мы представить себѣ о душевной жизни, нельзя даже и вообразить

себѣ какого-либо перехода къ этому высочайшему пункту мессіанскаго самосознанія изъ бездны предшествовавшаго ему чувства собственной грѣховности и молитвенно испрошеннаго примиренія съ Богомъ.

Но если въ отношеніи Своей безгрѣшности Господь нашъ І. Христосъ представляетъ Собою исключеніе изъ всѣхъ другихъ людей, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что и появленіе на свѣтъ столь необыкновеннаго Лица произошло при обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, въ которыхъ рождаются обыкновенные смертные: Богочеловѣкъ «воплотился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчился». Предъ рождествомъ Спасителя по всему міру распространилось дотолѣ неслыханное, необыкновенно сильное и окрыленное надеждою близкаго исполненія ожиданіе чего-то небывалаго, долженствующаго обновить изстрадавшееся человѣчество и даровать ему желанный миръ и всепрощеніе. Въ богоизбранномъ народѣ неумолкаемыми вѣстниками грядущаго Искупителя были вдохновенные пророки; въ язычествѣ также сохранилось древнее преданіе о сѣмени жены, имѣющемъ стереть главу страшнаго змія, облеченное поэтами въ художественныя формы миѳическихъ сказаній. По сравненію съ языческими въ іудейскомъ народѣ мессіанскія ожиданія отличались несравненно большею ясностью и опредѣленностью, особенно въ истинныхъ израильтянахъ, сохранившихъ въ чистотѣ блаженное обѣтованіе объ Избавителѣ. Къ числу такихъ святыхъ душъ принадлежала и непорочная Дѣва Марія, которой обѣщано было сдѣлаться Матерью нашего Спасителя. И такъ какъ отъ нея опредѣлено было родиться такому Младенцу, Который долженствовалъ быть не только болѣе совершеннымъ и чистымъ сравнительно съ другими людьми, но совершенно чистымъ, и Который долженъ былъ сдѣлаться причастникомъ благодатныхъ даровъ не только въ большей, сравнительно съ другими людьми, мѣрѣ, но и во всемъ Своемъ существѣ всецѣло исполниться Святаго Духа, то при зачатіи такого Младенца недоста-

точно было одного содѣйствія Божія, какъ это происходитъ съ рожденіемъ обыкновенныхъ смертныхъ, но требовалось особенное наитіе Св. Духа, — необыкновенное проявленіе Божественнаго всемогущества. Подобно тому, какъ при сотвореніи видимаго міра, когда требовалось произвести изъ мертвой матеріи какую-либо новую, высшую тварь и, особенно, одушевленное существо, Господь Богъ дѣйствовалъ Своею творческою волею на низшія ступени, туда направлялъ Свое творческое всемогущество, тамъ посѣявалъ и внѣдрялъ Свое творческое Слово; такъ всемогущій Творецъ поступилъ и въ разсматриваемомъ случаѣ. И теперь поступательное движеніе отъ грѣховнаго человѣка къ безгрѣшному, отъ несовершеннаго ветхаго Адама къ совершеннѣйшему новому произошло вслѣдствіе того, что всемогущій Богъ послалъ Свое творческое Слово въ дѣвственную утробу пречистой Маріи, лучшей представительницы человѣческаго рода, и изъ нея родился безгрѣшный Спаситель міра и вступилъ въ среду грѣховныхъ людей: «и Свѣтъ засвѣтился во тьмѣ, и тьма не объяла Его».

На это указываетъ и самое имя: Сынъ человѣческій, какимъ называлъ Себя нашъ Господь, можетъ быть, отчасти во избѣжаніе непонятнаго и подавшаго поводъ къ разнымъ перетолкованіямъ мессіанскаго наименованія. Между тѣмъ, какъ въ однихъ случаяхъ это имя означаетъ униженное состояніе Спасителя и употребляется тогда, когда Онъ является въ уничиженномъ видѣ (Лк. іх, 58; Мѳ. хvіі, 12), въ другихъ случаяхъ то же самое имя, сопровождаемое опредѣленною частицей, указываетъ на то, что его Носитель не есть обыкновенный, подобный другимъ, человѣкъ, но человѣкъ въ преимущественномъ значеніи слова, такое Существо, въ Которомъ, вслѣдствіе Его совершеннаго единенія съ Богомъ-Отцомъ, вполнѣ существляется высочайшее назначеніе человѣка—благодатный союзъ разумной твари съ ея Творцомъ. Порванное своевольнымъ преслушаніемъ перваго Адама личное общеніе человѣка съ

Богомъ осуществляется въ Лицѣ Христа-Спасителя наиболѣе совершеннымъ образомъ. Господь І. Христосъ есть второй Адамъ не только въ томъ смыслѣ, что Онъ возвратилъ человѣку потерянныя въ его паденіи совершенства, а также и не въ смыслѣ только осуществленія того, чѣмъ могъ и долженъ былъ бы сдѣлаться древній Адамъ, но І. Христосъ есть новый Адамъ въ томъ смыслѣ, что Онъ не имѣлъ назначеніемъ, подобно первому праотцу, только болѣе и болѣе осуществлять въ себѣ богочеловѣчество, но истинно и дѣйствительно, по Своей природѣ, есть безгрѣшный и совершеннѣйшій Богочеловѣкъ. Такимъ образомъ, въ наименованіи «Сынъ человѣческій», чрезъ смиренный зракъ раба, свѣтится высшее, превосходящее человѣческое достоинство, божественное сіяніе, и самое имя таинственно и знаменательно указуетъ на другое, высочайшее имя, которымъ оно со временемъ должно было замѣниться и въ которое оно дѣйствительно перешло.

Ни самъ Спаситель по Своемъ воскресеніи, а также и ни одинъ изъ апостоловъ въ благовѣстіи о Воскресшемъ не употребляютъ болѣе наименованія Сынъ человѣческій. Какое же это, высочайшее, по сравненію съ упомянутымъ, имя стало прилагаться къ Воскресшему Христу?

Воскресшій Господь именуется не Сыномъ человѣческимъ, но Сыномъ Божіимъ. Если бы намъ было извѣстно о Богочеловѣкѣ только то, что Онъ родился «не отъ крови, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но» въ подлинномъ и въ полнѣйшемъ смыслѣ слова «отъ Бога» (Іоан. і, 13), то даже и тогда мы безъ всякихъ колебаній исповѣдали бы этого Сына человѣческаго вмѣстѣ и Сыномъ Божіимъ,—не въ томъ обыкновенномъ смыслѣ, въ которомъ и каждый человѣкъ, особенно же благочестивый, можетъ въ извѣстномъ отношеніи называться Сыномъ Божіимъ, но въ другомъ, особенномъ, значеніи, по которому Господь І. Христосъ родился безъ

плотского отца непосредственно отъ Самого Бога и, какъ безгрѣшный, ни разу никакою даже грѣховною тѣнью не омрачилъ Своихъ сыновнихъ отношеній къ небесному Отцу, что̀ такъ обыкновенно и, можно сказать, постоянно происходитъ съ обыкновенными смертными. Самъ Господь указываетъ на Свое исключительно близкое единеніе съ небеснымъ Отцомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ Своимъ ученикамъ или народу о Богѣ; тогда Онъ называетъ Бога или: «Мой Отецъ», или «вашъ» Отецъ, но ни одного разу: «нашъ» Отецъ. Такимъ образомъ, въ разсужденіи Своего сыновняго отношенія къ Богу Отцу, Господь І. Христосъ никогда не смѣшиваетъ Себя съ грѣшными людьми, какъ бы ни были они благочестивы и близки Ему Самому; ни разу Онъ не поставляетъ Себя на одинаковую съ ними ступень, но всегда строго различаетъ между двумя разнородными отношеніями. На одной сторонѣ находится Самъ Онъ съ Своимъ сыновнимъ отношеніемъ къ Богу, на другой — всѣ люди, добрые и злые, богобоязненные и безбожники. Такое различеніе особенно ясно выражено въ словахъ Евангелія Мо. хі, 27: «никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти». Слѣдовательно, съ одной стороны, совершеннѣйшее существо Сына настолько безконечно, такъ неизслѣдимо въ своихъ глубинахъ, что только Самъ Богъ можетъ всецѣло постигать и проницать Его. Съ другой же стороны, всякое человѣческое богопознаніе, даже просвѣщеннѣйшихъ, въ высшей степени религіозныхъ и облагодатствованныхъ людей, есть совершенное ничто сравнительно съ богопознаніемъ Господа Іисуса, не можетъ даже и называться познаніемъ, по сравненію съ Его, чуждымъ всякаго недостатка, неограниченнымъ знаніемъ. Слѣдовательно, опять на одной сторонѣ Отецъ и Сынъ, Богъ и Іисусъ Назарянинъ, обои наитѣснѣйше соединенные другъ съ другомъ, всецѣло проникающіе одинъ другого, безпредѣльно познающіе себя взаимно и какъ бы переходящіе одинъ въ другого; а на другой сторонѣ все

человѣчество безъ всякаго исключенія опредѣленное на то, чтобы посильно углубляться въ богопознаніе, проникать въ божественную жизнь и посредствомъ Сына Божія достигать спасительнаго богообщенія. Таково совершеннѣйшее и полнѣйшее, существенное единеніе Богочеловѣка съ Своимъ Отцомъ. Вслѣдствіе этого единенія Господь Іисусъ находится въ данномъ отношеніи къ Богу не какъ извѣстный человѣкъ, стоящій во главѣ человѣчества, но какъ выдѣляющійся изъ всѣхъ людей и занимающій мѣсто одесную Отца Богочеловѣкъ.

Вотъ почему Господь Іисусъ даруетъ грѣшникамъ прощеніе грѣховъ, призываетъ всѣхъ къ покаянію, обличаетъ фарисейское лицемѣріе и гордость, является господиномъ субботы, учитъ, какъ власть имѣющій, и въ предсказаніяхъ о будущей кончинѣ міра и небесномъ царствѣ говоритъ о Себѣ, какъ о единосущномъ Богу-Отцу Судіи живыхъ и мертвыхъ.

Сами изнемогающіе подъ тяжкимъ бременемъ грѣховъ и печалующіеся на прогрессивное оскудѣніе добрыхъ душъ и свѣтлыхъ умовъ, съ какимъ наслажденіемъ, съ какою радостью и съ какимъ восторженнымъ изумленіемъ останавливаемся мы на выдающихся дѣятеляхъ въ человѣчествѣ! Въ упоеніи отъ ихъ необыкновенныхъ талантовъ и достославныхъ дѣлъ мы воспѣваемъ въ честь подобныхъ же намъ людей хвалебные гимны и увѣковѣчиваемъ священную о нихъ память величественными монументами. Но что произошло бы съ нами при видѣ превосходящихъ самое смѣлое воображеніе высочайшихъ совершенствъ нашего Спасителя, отъ слышанія Его, проникающей въ глубину души, проповѣди, отъ созерцанія творимыхъ Имъ чудесъ? Ужели мы остались бы равнодушными свидѣтелями кипящей вокругъ насъ жизни съ Самимъ Жизнодавцемъ? Ужели окаменѣлое сердце и холодный разсудокъ не побудили бы насъ ни къ чему большему, какъ только къ недовѣрчивому взгляду на необыкновенный феноменъ среди человѣческой низости и развращенности? Это было бы ужасно! Конечно, и въ

современномъ обществѣ найдутся (и, къ сожалѣнію, въ немаломъ числѣ!) отчаянные невѣры, но, все-таки, большая часть современныхъ христіанъ послѣдуетъ за тѣми возвышенными образцами вѣры, о которыхъ повѣствуется въ св. Евангеліи.

«Отступи отъ меня, Господи», взываетъ послѣ обильнаго лова рыбы первоверховный апостолъ къ необыкновенному Чудотворцу, «ибо я человѣкъ грѣшный» (Лк. v, 8). Другой апостолъ, несчастный Іуда предатель, терзаемый укорами пробудившейся совѣсти, возвращаетъ первосвященникамъ сребренники со словами: «согрѣшилъ я, предавъ кровь неповинную... И, бросивъ сребренники, удавился» (Мѳ. xxvii, 4—5). Поразительное впечатлѣніе, производимое на людей святымъ Учителемъ, можно сказать, не оставляло ихъ ни днемъ, ни ночью и заставляло ихъ жить Его радостями, а еще болѣе Его скорбями. «Не дѣлай ничего Праведнику тому», умоляетъ язычница своего супруга, «потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него» (Мѳ. xxvii, 19), и самъ игемонъ, послѣ тщетныхъ усилій оправдать невиннаго Страдальца, нашелъ необходимымъ торжественно отречься отъ всякаго соучастія въ вопіющемъ злодѣяніи. Возливъ воду, онъ «умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: не виновенъ я въ крови Праведника сего» (—24). Распятый со Христомъ благоразумный разбойникъ, человѣкъ, несмотря, быть можетъ, на многочисленныя злодѣянія, вспомнившій о Богѣ въ часы своихъ ужасныхъ страданій (Лк. xxiii, 40), обращается теперь съ горячей молитвой не къ тому Богу, Котораго призывалъ до настоящаго времени, но въ уничиженномъ, осмѣянномъ и поруганномъ всѣми Страдальцѣ признаетъ воплощеннаго Искупителя-Бога: «помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Си» (—42). Озаренные Св. Духомъ галилейскіе рыбари неустрашимо проповѣдали всему міру о Распятомъ Царѣ славы (Дѣян. i, 8), и еще изъ апостольскаго вѣка мы имѣемъ очень важное свидѣтельство проконсула Плинія о томъ, что современные ему христіане

имѣли обыкновеніе на своихъ богослужебныхъ собраніяхъ пѣть гимнъ Христу, какъ Богу: carmenque Christo, quasi Deo dicere.

Можно ли послѣ этого говорить о какомъ-либо сравненіи Христа, наприм., съ Сократомъ. Безспорно, что въ своихъ «Меморабиліяхъ» греческій историкъ Ксенофонтъ отзывается о соплеменномъ ему философѣ съ высокою похвалой за то, что «никто никогда не видѣлъ Сократа дѣлающимъ или говорящимъ что-либо нечестивое и беззаконное». Но эта похвала отнюдь не мѣшала современникамъ, — не однимъ врагамъ, но и друзьямъ философа,—считать его подверженнымъ нѣкоторымъ слабостямъ и далеко небезгрѣшнымъ. Притомъ, отзывъ Ксенофонта чисто отрицательный; въ немъ недостаетъ положительнаго утвержденія нравственной безупречности Сократа. Послѣдній, къ тому же, былъ для своихъ учениковъ только философомъ, между тѣмъ какъ Іисусъ является для всѣхъ вѣрующихъ «Христомъ, Сыномъ Бога живаго». Какое сравненіе можетъ быть между греческимъ историкомъ и Крестителемъ Господнимъ Іоанномъ, этимъ «большимъ изъ рожденныхъ женами» (Мѳ. xi, 11)? Но и большій повергается въ прахъ предъ «Сильнѣйшимъ», не считая себя достойнымъ даже понести Его сандаліи (Мѳ. ш, 11). «Я видѣлъ»,—говоритъ Креститель,—«и засвидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій» (Іоан. i, 34), есть предопредѣленный отъ вѣка непорочный «Агнецъ, вземляй грѣхи міра» (—29).

ГЛАВА III.

Объ особенномъ отношеніи Богочеловѣка къ новозавѣтному откровенію и объ условіяхъ нашего искупленія.

Безгрѣшный и святой Богочеловѣкъ І. Христосъ занимаетъ исключительное положеніе среди грѣховныхъ человѣческихъ дѣятелей, хотя бы они были прославленные благодѣтели или такъ называемые религіозные геніи. По окончаніи своего земного поприща всѣ великіе люди оставляютъ послѣ себя славныя дѣла, становящіяся достояніемъ потомковъ, болѣе или менѣе равнодушно относящихся къ ихъ вершителямъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ исламъ или буддизмъ призваны къ исторической жизни, — не все ли равно для историческихъ судебъ этихъ религій, живы или скончались Магометъ и Будда? Нѣтъ спору, что магометане и буддисты благоговѣютъ предъ памятью основателей своихъ религій, но ихъ благоговѣніе мало чѣмъ отличается отъ свойственной всѣмъ людямъ памяти о досточтимыхъ дѣятеляхъ. Если бы инославные поклонники забыли объ основателяхъ помянутыхъ религій, то послѣднія все-таки продолжали бы существовать, благодаря недостаточно сильной внутренней органической связи данныхъ религій съ ихъ провозвѣстниками, подобно тому, какъ, напримѣръ, гуманитарныя идеи французскихъ энциклопедистовъ, несмотря на протекшее столѣтіе со времени смерти послѣднихъ, и доселѣ еще волнуютъ пылкіе умы, или какъ великія реформы сопровождаются важ-

ными послѣдствіями долгое время послѣ смерти государственныхъ преобразователей. Въ самомъ дѣлѣ, какой изъ самыхъ пламенныхъ поклонниковъ Руссо будетъ теперь воскрешать его суровый образъ, чтобы научиться жить ближе къ природѣ? Наоборотъ, не слѣдуетъ ли для пользы дѣла забыть объ упомянутомъ философѣ и за наученіемъ обратиться къ болѣе совершенному наставнику? Какое значеніе для самопознанія можетъ имѣть въ настоящее время образъ эллинскаго мудреца Сократа? Не больше, какъ только историческое, важное для изучающаго движеніе философской мысли и ничтожное для насъ, «наученныхъ Самимъ Богомъ», особенно въ принесенной Имъ голгоѳской жертвѣ. Не фантастическое предположеніе высказываемъ мы съ цѣлью наибольшаго восхваленія христіанства насчетъ другихъ религій, но только свидѣтельствуемъ о несомнѣнной истинѣ, сдѣлавшейся теперь достояніемъ всѣхъ непредубѣжденныхъ мыслителей. Нѣкоторые изъ колеблющихся, особенно на европейскомъ западѣ, умовъ, потерявъ вѣру въ Распятаго Господа І. Христа, готовы поклоняться индійскому мудрецу Буддѣ. Но знаютъ ли они, что творятъ? Знаютъ ли, что «оставляютъ источникъ живой воды» и замѣняютъ его «разбитыми водоемами» (Іер. II, 13), наполненными зловредными нечистотами? Худо, если не знаютъ, но въ тысячу кратъ хуже, если знаютъ, но поступаютъ вопреки своей совѣсти. «Лучше было бы имъ не познать путь правды, нежели, познавъ, возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди» (2 Петр. II, 21).

Главное назначеніе каждой религіи, какъ извѣстно, состоитъ въ примиреніи человѣка съ Богомъ. Къ этому стремится и буддизмъ. Ученіе объ искупленіи представляетъ собою центральный пунктъ цѣлой буддійской системы, согласно ея вѣроученію: «подобно тому, какъ безбрежное море пропитано только однимъ вкусомъ соли, такъ и это (т. е. буддійское) ученіе пропитано однимъ вкусомъ, вкусомъ искупленія». Но какъ же отвратительно-горекъ «вкусъ» послѣдняго, состоящаго въ уничтоженіи

«жажды бытія чрезъ совершенное истребленіе въ себѣ всякихъ желаній»! Каждый буддистъ является самъ своимъ искупителемъ,—самъ себѣ Богъ, самъ первосвященникъ. Самоискупленіе состоитъ въ самопознаніи и въ облагороженіи своего сердца. Не Будда искупляетъ людей, но онъ (всякій послѣдователь его, достигнувшій совершенства, самъ становится Буддою) только ихъ учитъ самоискупленію, которому ранѣе ихъ и самъ научился. Люди только воспринимаютъ проповѣдуемую Буддою истину не потому, что она происходитъ отъ самого учителя, но вслѣдствіе возбужденной имъ въ душѣ слушателей потребности въ истинѣ. «Что говорите вы, ученики, не есть ли именно то, что вы сами узнали, сами созерцали, сами постигли»?—спрашиваетъ буддійскій катихизисъ. «Подлинно такъ, господинъ», гласитъ отвѣтъ. Каждый, достигнувшій искупленія, ученикъ такъ же великъ, какъ его учитель. Строго говоря, Будда остается не у дѣлъ въ своей собственной религіи. Онъ находится только около нея. Буддизмъ можетъ поэтому существовать и безъ самого Будды; искупленіе происходитъ безъ него, и въ формулѣ священнаго вѣроученія о «четырехъ истинахъ» не встрѣчается его имени.

Совсѣмъ не таковы природа христіанства и положеніе въ немъ богочеловѣческаго Лица Христа Спасителя. Онъ не есть только совершеннѣйшій другихъ Основатель новозавѣтной религіи, жившій въ первомъ вѣкѣ христіанской эры и, по устроеніи Своего мессіанскаго дѣла, удалившійся отъ него, предоставивъ его собственному саморазвитію. Совсѣмъ наоборотъ. Такъ могутъ разсуждать только такіе люди, которые потеряли всякое разумѣніе откровенной религіи и не испытываютъ въ себѣ дѣйствія этой «силы Божіей, данной во спасеніе каждому вѣрующему» (Рим. I, 16). Ни отжившій свой вѣкъ деизмъ, ни пантеистическая теорія эволюціи рѣшительно не приложимы къ истинному разумѣнію христіанства. Богочеловѣкъ I. Христосъ не какъ другіе основатели религій—находится только близъ принесеннаго Имъ ново-

завѣтнаго откровенія, но Самъ, въ Своемъ собственномъ Лицѣ, представляетъ безпримѣрное и единственное въ исторіи человѣчества совершеннѣйшее откровеніе Бога на землѣ. Какъ Посредникъ и Искупитель, Господь Іисусъ Христосъ находится не только въ центрѣ основанной Имъ религіи, но самая религія имѣетъ въ Немъ источникъ и средоточіе своихъ благодатныхъ зиждительныхъ силъ. Безмѣрно велико значеніе солнца въ міровой жизни. Однако послѣдняя не прекращается во время солнечнаго затмѣнія, въ ненастную погоду и въ теченіе ночи, когда земля отдыхаетъ отъ дневныхъ трудовъ. Несравненно бо̀льшее значеніе въ христіанствѣ имѣетъ его благодатное Солнце—Христосъ Спаситель. Невозможно даже и предположить такой, хотя бы кратчайшій, моментъ времени, въ который оно могло бы существовать безъ Христа. Ихъ союзъ нерасторжимъ и вѣченъ, почему и Самъ Господь пребываетъ съ вѣрующими «во вся дни до скончанія вѣка» (Мо. xxviii, 20). Онъ есть вѣчный Искупитель и вѣчная Жертва (Евр. vii, 24—28). Научившій людей истинному богопознанію, Онъ въ Своемъ Лицѣ представляетъ Бога и человѣка и потому служитъ предметомъ вѣры: «вѣруяй въ Мя»,—говоритъ Онъ,—«имать животъ вѣчный» (Іоан. vi, 47).

Такъ не учили и не могли учить ни Магометъ, ни Будда и никакіе другіе основатели ложныхъ религій. Для того, чтобы свидѣтельствовать о себѣ, какъ о Богочеловѣкѣ, необходимо быть или самымъ безсовѣстнымъ обманщикомъ, или лишеннымъ здраваго смысла человѣкомъ, или же истинно и дѣйствительно Богочеловѣкомъ. И поелику ни первое, ни второе не приложимо къ безгрѣшному Искупителю, то остается третье, что Онъ есть воистину Христосъ, Сынъ Божій. Какъ воплотившійся и жившій на землѣ въ опредѣленное время, Онъ есть историческое Лицо; но какъ Сама присносущная Жизнь, какъ нашъ Искупитель и Примиритель, Онъ имѣетъ не историческое только, но вмѣстѣ и догматическое значеніе въ христіанствѣ.

Поэтому истинный христіанинъ никогда не позволитъ себѣ безумнаго сопоставленія Христа съ любымъ религіознымъ геніемъ и никогда не будетъ сомнѣваться въ безмѣрномъ Его превосходствѣ надъ тѣми; но всегда будетъ вѣровать въ то, что спасеніе возможно только во Христѣ, или совсѣмъ нѣтъ спасенія; что всѣ алтари раскапаются и останется только одинъ Христовъ алтарь съ вѣчно приносящимъ Самого Себя въ жертву за грѣхи міра безгрѣшнымъ Первосвященникомъ.

Итакъ, нашъ единый и вѣчный Искупитель есть Самъ Господь І. Христосъ. Въ разсужденіи совершеннаго Имъ спасенія необходимо имѣть въ виду слѣдующее: во-первыхъ, Онъ «привлекаетъ» къ Себѣ всѣхъ, ищущихъ спасенія (Іоан. xii, 32), свидѣтельствуя имъ о Себѣ словомъ и дѣломъ, и, во-вторыхъ, Онъ дѣлаетъ ихъ причастниками Своихъ искупительныхъ заслугъ, поставляя людей въ сыновнее отношеніе къ Богу и изливая на нихъ требуемыя спасеніемъ благодатныя силы.

ГЛАВА IV.

О пророческомъ и первосвященническомъ служеніяхъ Господа-Спасителя.

Господь Іисусъ Христосъ «свидѣтельствовалъ» о Себѣ многими «силами, чудесами и знаменіями» (Дѣян. II, 22). Одно Его богочеловѣческое Лицо само по себѣ уже есть чудо чудесъ, и потому Онъ по Своему произволенію творилъ многочисленныя чудеса, объяснять которыя «естественными» причинами по существу дѣла невозможно и нелѣпо. Подобно тому, какъ дѣйствія обыкновеннаго смертнаго обыкновенны, выдающагося человѣка выдѣляются изъ ряда другихъ, такъ и дѣла Того, Который представляетъ Собою необыкновенное чудо, должны быть поразительно чудесны. Они являются воплощенною въ самой жизни проповѣдью о мессіанскомъ служеніи Господа, пришедшаго исцѣлять наши недуги и болѣзни. А такъ какъ послѣдніе проистекаютъ изъ грѣха, то естественно, что всемогущій Цѣлитель обращалъ особое вниманіе на душевныя немощи и поражалъ ихъ въ самомъ корнѣ. «Чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои», обращается Господь къ разслабленному и затѣмъ исцѣляетъ его (Мр. II, 1—12). Такимъ образомъ, главнымъ предметомъ является внутреннее, духовное исцѣленіе, по отношенію къ которому внѣшнее служитъ только знаменіемъ.

Совершая многоразличныя знаменія и чудеса, Господь постоянно проповѣдовалъ о царствіи нѣбесномъ, подъ которымъ разумѣется состояніе полнаго и блажен-

наго общенія Бога съ людьми и людей съ Богомъ (Мо. iv, 17). Наступленіе этого царства Спаситель поставлялъ въ ближайшую связь съ Самимъ Собою (Лк. iv, 21), и, чѣмъ далѣе протекало время Его земной жизни, тѣмъ болѣе проповѣданіе царствія небеснаго становилось свидѣтельствомъ о Самомъ Себѣ, съ особенною силою проявившимся въ трогательномъ призывѣ Спасителя: «пріидите ко Мнѣ вси труждающіяся и обремененніи, и Азъ упокою вы» (Мо. xi, 28). Наконецъ Воскресшій заповѣдалъ Своимъ апостоламъ быть Его свидѣтелями и въ Его имя благовѣствовать всѣмъ языкамъ о совершенномъ спасеніи (Лк. xxiv, 46—49; Дѣян. i, 8). Апостольская проповѣдь по своему происхожденію и по содержанію является продолженіемъ проповѣди вознесшагося Господа, пока Онъ не отозвалъ къ Себѣ, въ свою очередь, и апостоловъ, а тѣ заблаговременно поручили благовѣстіе нарочито поставленнымъ на это великое служеніе мужамъ, членамъ церковной іерархіи, имѣющей проходить его до скончанія вѣка.

Подобно тому, какъ апостольская проповѣдь была продолженіемъ Христовой проповѣди, раскрывая и разъясняя содержаніе послѣдней, такъ что въ ученіи апостоловъ не заключалось ничего лишняго по сравненію съ ученіемъ Самого Спасителя; такъ и продолжающееся въ христіанской церкви благовѣстіе является по своему содержанію во всемъ согласнымъ съ ученіемъ Господа І. Христа и Его апостоловъ. Задача церковнаго учительства состоитъ въ томъ, чтобы болѣе и болѣе углубляться въ спасительное ученіе Христа и апостоловъ и правильно пользоваться имъ въ обстоятельствахъ даннаго времени и мѣста. Но никогда не будетъ того, чтобы истинно вѣрующіе осмѣлились отъ чего-либо «очищать» ученіе церкви или что-нибудь «прибавлять» къ нему. Въ первомъ грѣхѣ повинепъ протестантскій раціонализмъ, а въ послѣднемъ романизмъ. Только одно православіе ничего не расточило изъ преданнаго ему сокровища христіанской вѣры и не помрачило ея чистоты человѣческимъ суемудріемъ.

На этомъ пунктѣ — о самосвидѣтельствѣ Господа — собственно и слѣдовало бы остановиться нашимъ размышленіямъ, если бы христіанская религія представляла собою только одинъ моментъ въ естественно-историческомъ развитіи религіознаго сознанія, а Христосъ-Спаситель былъ бы только высокодаровитымъ проповѣдникомъ Своего ученія. Но въ томъ-то и состоитъ доказательство божественности Христа и Его дѣла, что новозавѣтное откровеніе признаетъ всеобщую грѣховность человѣческаго рода и отрицаетъ его самоискупленіе однѣми естественными силами. «Кто бо чистъ будетъ отъ скверны»? спрашиваетъ праведный Іовъ, и рѣшительно отвѣчаетъ: «никто же, аще и единъ день житіе его на земли» (Іов. xiv, 1, 5). Св. царепророкъ еще болѣе углубляется въ происхожденіе грѣха и свидѣтельствуетъ: «се бо, въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя» (Пс. l, 7). «Единѣмъ человѣкомъ», по словамъ ап. Павла, «грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть» (Рим. v, 12). Ни буддизмъ, ни исламъ, ни какая-либо другая религія не говорятъ такимъ языкомъ и говорить не могутъ, потому что не знаютъ прирожденной всѣмъ грѣховности. Такъ, наприм., по буддійскому ученію грѣхъ проистекаетъ не извнутри поврежденной человѣческой природы, но изъ рокового участія ея въ міровой жизни. Знай человѣкъ заповѣдныя «четыре истины», онъ никогда не поддался бы соблазнамъ свѣта. и, наоборотъ, уразумѣніемъ этихъ истинъ каждый самъ можетъ искупить себя отъ всѣхъ скорбей жизни. Исламъ совершенно отрицаетъ человѣческую грѣховность, поскольку она здѣсь является не внутренне-злымъ настроеніемъ, но чисто-внѣшнимъ дѣломъ. Поэтому истому мусульманину совершенно непричастно всякое нравственное, происходящее изъ глубины души, сознаніе своей грѣховности, а слѣдовательно и потребность въ искупленіи. Не будемъ подниматься на древній Олимпъ и подмѣчать многочисленныя преступленія небожителей, начиная съ самого громовержца. Но если сами боги пре-

ступны, то можно ли вмѣнять въ вину людямъ ихъ прегрѣшенія, и какой богъ взялъ бы на себя тяжкій грѣхъ суда и возмездія? Никто не отрицаетъ того, что въ упомянутыхъ религіяхъ находятся свидѣтельства о грѣхѣ и объ искупленіи; но они теряются въ подавляющей массѣ противоположныхъ свидѣтельствъ, мало согласуются съ натуралистическимъ характеромъ данныхъ религій и, по тщательномъ изслѣдованіи, оказываются остатками сохранившихся въ язычествѣ истинныхъ преданій, ибо «свѣтъ и во тмѣ свѣтится, и тма его не объятъ» (Іоан. і, 5). Это съ одной стороны. Но христіанство имѣетъ еще и другую, свѣтоносную сторону. И замѣчательно, съ какою несокрушимой энергіей, съ какимъ неодолимымъ всемогуществомъ заявляетъ здѣсь о себѣ доселѣ еще нигдѣ небывалое, никогда неоскудѣвающее и всегда увѣренное въ достиженіи своей цѣли сознаніе человѣкомъ своей искупленности. Онъ носитъ послѣднее, какъ святыню, въ своемъ сердцѣ и увѣренъ въ своемъ спасеніи болѣе, чѣмъ въ бытіи видимаго міра; не забываетъ о благодатной помощи въ благополучное время и, точно металлъ подъ ударами молота, еще болѣе утверждается въ непреложности искупленія во дни самыхъ тяжкихъ испытаній (Мо. v, 11, 12; 2 Кор. iv, 8 — 18). Не самъ себя онъ спасаетъ, ибо вѣдаетъ свои немощи (Рим. vii, 24, 25); не ожидаетъ онъ спасенія и отъ другихъ, потому что и они грѣховны, подобно ему, и, слѣдовательно, сами нуждаются въ спасеніи (Іер. xvii, 5); не откуда-либо со стороны приходитъ къ нему благодатная жизнь, но онъ обрѣтаетъ ее въ самомъ христіанствѣ, этой самодовлѣющей религіи, происходящей отъ Самого Христа и, слѣдовательно, находитъ въ своемъ единомъ и единственномъ, еще никѣмъ незамѣнимомъ Искупителѣ. «Благодать», пишетъ апостолъ языковъ, «воцарится правдою въ жизнь вѣчную І. Христомъ, Господемъ нашимъ» (Рим. v, 21).

Если бы въ мірѣ не было первороднаго грѣха, или если бы грѣхъ повреждалъ только одну поверхность че-

ловѣческой природы, тогда достаточно было бы простого увѣщанія со стороны какого-либо добраго учителя: «Смотрите на меня и будьте моими подражателями»! Тогда оказались бы правы раціоналисты, отрицающіе божественное достоинство Искупителя и предоставляющіе Ему почетное мѣсто среди другихъ выдающихся правоучителей. Но откуда, спрашивается, долженъ взять силъ человѣкъ, этотъ послушный рабъ грѣха,—слѣдовать возвышенному ученію и подражать совершенному первообразу? Сдѣлается ли голодный сытымъ отъ того, что предъ его глазами поставятъ упитаннаго тельца? Выздоровѣетъ ли умирающій отъ того, что къ его болѣзненному одру приведутъ цвѣтущаго здоровьемъ человѣка и посовѣтуютъ подражать ему? На эти вопросы можно отвѣтить утвердительно только при несомнѣнномъ удостовѣреніи въ томъ, что голодъ и болѣзнь суть не печальная дѣйствительность, а только плоды разгоряченнаго воображенія. Но грѣхи, къ величайшему прискорбію, не продуктъ воображенія, а горькая и страшная дѣйствительность. И если бы хоть разъ кому-либо удалось очиститься отъ грѣха единственно посредствомъ человѣческихъ ученія и примѣра, — то что было бы съ его прежними грѣхами? Можно ли было бы считать послѣдніе совершенно изглаженными и невозвратно прощенными небеснымъ правосудіемъ только потому, что человѣкъ началъ нравственно совершенствоваться? Можетъ ли такимъ образомъ удовлетвориться божественное правосудіе? Можно ли уплачивать свой долгъ только недѣланіемъ другихъ долговъ или прекращеніемъ долговыхъ обязательствъ?

Кто въ разсужденіи предложенныхъ вопросовъ не хочетъ пробавляться пелагіано-раціоналистическими мечтаніями и намѣренно не закрываетъ глазъ предъ вопіющею до неба человѣческою грѣховностію, тотъ отвѣтитъ на нихъ тысячекратнымъ нѣтъ. Отнюдь недостаточно одного ученія и дѣлъ Христовыхъ для очищенія человѣка отъ грѣха и для примиренія его съ правосуднымъ

Богомъ, но для сего требуется совершеніе нашимъ Спасителемъ еще особаго служенія, и только подъ такимъ условіемъ заключающаяся въ Богочеловѣкѣ благодатновозраждающая жизнь можетъ изливаться на все человѣчество. Другими словами: требуется такъ называемое первосвященническое служеніе Искупителя.

Какъ же проходитъ Онъ Свое первосвященническое служеніе? Какъ совершается примиреніе грѣховныхъ людей съ прогнѣваннымъ Богомъ? Что дѣлаетъ Христосъ для преложенія Отчаго гнѣва на милость къ страждущему человѣчеству? Отвѣчая на эти вопросы, «душевный» человѣкъ невольно поддается искушенію — видѣть уже въ самомъ событіи боговоплощенія рѣшительное противодіе грѣху и торжество надъ всѣми роковыми его слѣдствіями. Уже самымъ посланничествомъ въ міръ Своего Единороднаго Сына,—такъ полагаютъ нѣкоторые,— Господь Богъ непреложно и ясно засвидѣтельствовалъ то, что Онъ отвратилъ Свой праведный гнѣвъ отъ человѣчества и опять проникся къ нему безконечною любовью. По такому взгляду на разсматриваемый предметъ, мессіанское служеніе Искупителя состояло исключительно въ томъ, чтобы только повѣдать людямъ о томъ, что правосудный Богъ окончательно изгладилъ изъ книги живота всѣ человѣческіе грѣхи, что Онъ возлюбилъ міръ прежнею любовью и готовъ принять прощенныхъ грѣшниковъ въ общеніе Своей безконечной святости и вѣчнаго блаженства. Какъ видно, искупительная заслуга Господа І. Христа тогда состояла бы не въ утоленіи Отчаго гнѣва на человѣчество и не въ пріобрѣтеніи послѣднему божественнаго благоволенія, но исключительно только въ освобожденіи людей отъ горькихъ заблужденій ихъ злой совѣсти, такъ долго мучившей ихъ страхомъ гнѣва и суда Божія. Повидимому и Св. Писаніе свидѣтельствуетъ въ пользу изложенныхъ соображеній. Такъ, наприм., ап. Павелъ не выражается словами: «Богъ примирилъ Себя съ міромъ», но иначе: «Богъ во Христѣ примирилъ съ Собою міръ» (2 Кор. v, 19), или насъ

(Рим. v, 10). Не ясно ли видно изъ апостольскихъ словъ, что вражда находилась на сторонѣ не Бога, а людей, потому что сами они совершенно ложно судили о Богѣ по отраженію Его въ ихъ преступной совѣсти? Однако, не такова,—замѣтимъ мы, — мысль апостола, ибо, какъ могъ бы онъ, въ противномъ случаѣ, утверждать, что мы примирились съ Богомъ «смертью» Его Единороднаго Сына (Рим. v, 10)? Тогда свидѣтельство Господа І. Христа имѣло бы несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ Его смерть, и должно было бы занять въ апостольскомъ благовѣстіи первое мѣсто, между тѣмъ какъ апостолъ совсѣмъ умалчиваетъ объ упомянутомъ свидѣтельствѣ. А принимая въ соображеніе дальнѣйшую мысль апостола о томъ, что слѣдствіемъ примиренія Бога съ міромъ является невмѣненіе людямъ грѣха, мы составляемъ себѣ твердое убѣжденіе въ томъ, что примирительнымъ дѣйствіемъ Божіимъ преслѣдуется не та цѣль, чтобы возвѣстить людямъ о любви Божіей, но чтобы создать такое состояніе праведности, на основаніи котораго Господь Богъ благоизволилъ бы простить людямъ ихъ грѣхи и премѣнить Свой гнѣвъ на милость. Вѣдь несправедливо же считать божественную святость и правосудіе за плодъ нашего развращеннаго воображенія, подобно тому, какъ нельзя считать такимъ плодомъ и нашъ грѣхъ вмѣстѣ съ отвѣтственностью за него, но какъ послѣдніе, такъ и первыя представляютъ собою непреложную дѣйствительность. Совершенно вѣрно, что уже одно посланничество Сына въ міръ есть дѣло божественной любви, и что, слѣдовательно, Богъ возлюбилъ міръ еще прежде совершеннаго Его Сыномъ примиренія. Но Господь отъ вѣка возлюбилъ міръ именно во Христѣ, какъ въ непорочномъ Агнцѣ, Который въ опредѣленное время долженъ исполнить примиреніе Бога съ людьми и премѣнить Божій гнѣвъ на вѣчное благоволеніе (Мо. xxv, 34; Іоан. iii, 16).

Такимъ образомъ, въ разсужденіи о нашемъ примиреніи съ Богомъ чрезъ Единороднаго Его Сына глав-

ное дѣло состоитъ не въ освобожденіи человѣчества отъ горестнаго сознанія гнѣвности къ нему со стороны Бога, но *дѣйствительно и фактически* оно состоитъ въ основаніи *новаго отношенія Бога къ спасаемымъ грѣшникамъ*. Какъ же все это происходитъ? Несомнѣнно, перемѣна къ лучшему во взаимоотношеніи твари съ Творцомъ свидѣтельствуется уже тѣмъ событіемъ, что въ безгрѣшномъ и святомъ Лицѣ Богочеловѣка-Христа опять возгорѣлся яркій свѣтъ среди грѣховнаго человѣчества, — свѣтъ, на которомъ могло благоволительно остановиться всевидящее око. Уже чрезъ это одно не должно ли было прежнее отношеніе Бога къ человѣку перемѣниться на другое? Не должно ли было чистое сіяніе богочеловѣческой безгрѣшности бросить свой кроткій, умиротворяющій свѣтъ также и на всѣхъ другихъ людей? Изливающійся на спасаемыхъ грѣшниковъ, отъ новой благодатной Главы, Господа І. Христа, этотъ свѣтъ разгорается все большимъ и сильнѣйшимъ пламенемъ и озаряетъ ихъ тѣмъ болѣе животворными лучами, что они исходятъ не только отъ безгрѣшнаго человѣка, но отъ святѣйшаго Богочеловѣка, Единороднаго Сына Божія.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что изложенное пониманіе примиренія освѣщаетъ очень важную сторону предмета и что оно имѣетъ нѣкоторое основаніе въ апостольскомъ ученіи о Христѣ, какъ о второмъ Адамѣ, какъ о новой, благодатной главѣ человѣчества (Рим. v, 12; 1 Кор. xv, 45 — 49). Однако было бы признакомъ крайней близорукости удовлетворяться такимъ пониманіемъ примиренія, при которомъ не придается надлежащаго значенія факту человѣческой грѣховности и тяжкой за нее отвѣтственности людей предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы правосудный Богъ только ради одного, появившагося среди человѣчества, Источника свѣта премѣнилъ бы Свой гнѣвъ на милость, то не оказалась ли бы тогда попранною истина, что грѣхъ есть именно *грѣхъ* и требуетъ *наказанія*?

Поскольку Божіе правосудіе есть дѣйствительное и неизмѣнное свойство существа Божія, оно никогда не можетъ равнодушно взирать на человѣческіе грѣхи, тѣмъ болѣе не можетъ совершенно забывать о нихъ и не привлекать грѣшниковъ къ отвѣтственности только потому, что среди нихъ явился безгрѣшный Спаситель. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы одно воображаемое примиреніе вмѣсто дѣйствительнаго. Наоборотъ, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе, и для совершеннаго примиренія непремѣнно требуется то, чтобы грѣхъ былъ раскрытъ и опознанъ во всемъ своемъ ужасающемъ безобразіи, какъ именно грѣхъ, и чтобы онъ былъ осужденъ со всею строгостью божественнаго правосудія.

Ни одного изъ означенныхъ условій не могъ выполнить самъ человѣкъ; за него ихъ въ совершенствѣ выполнилъ Христосъ - Искупитель. Въ Его богочеловѣческомъ Лицѣ, въ Его святой жизни, въ страданіяхъ и смерти съ поразительною очевидностью обнаружилось все безобразіе грѣха съ его страшными послѣдствіями. Чистый и безгрѣшный, святый и совершенный Сынъ человѣческій, однако, преданъ въ руки самыхъ отъявленныхъ и развращенныхъ беззаконниковъ и терпѣливо переноситъ ихъ злыя насмѣшки и хуленія, оплеванія и заушенія, позорный крестъ и ужасную смерть именно по причинѣ Своей божественной чистоты и святости. Не Онъ ли всю Свою жизнь отдалъ на служеніе страждущимъ и немощнымъ, и вотъ благодарность за это — издѣвательства опьяненной толпы предъ распятымъ Страдальцемъ: «другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти. Если Онъ царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и мы увѣруемъ въ Него» (Мѳ. xxvii, 42)! Сама воплощенная Любовь, ради грѣшныхъ людей посѣтившая ихъ нищету и Себя облекшая въ смиренный зракъ раба, и, однако, ненавидима именно за дѣла безмѣрной любви и состраданія, какъ еще ни одинъ изъ смертныхъ, — развѣ въ этомъ не обнаруживаются вся

низость, вопіющее безобразіе и страшно разнуздавшая сила грѣха съ его сознательною и рѣшительною противоположностью ко всему истинно прекрасному, великому и благородному, особенно, если имѣть въ виду то, что не одни только отъявленные враги платятъ Страдальцу за добро зломъ, но даже и среди Его учениковъ находятся такіе, которые Его оставляютъ (Іо. vi, 66), предаютъ Его, бѣгутъ (Мѳ. xxvi, 56) и даже отрекаются отъ Него (ст. 74). Не менѣе сильно, по сравненію съ злобою, въ страданіяхъ Господа обнаруживается всеобщность грѣха. Въ самомъ дѣлѣ, точно по заранѣе составленному договору противъ Господа выступаютъ обвинителями и мучителями люди всякихъ положеній и состояній, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, іудеи и язычники, мнимо благочестивые фарисеи и свободомыслящіе саддукеи; боготворившій, и еще такъ недавно, своего «великаго Пророка» простой народъ теперь, ослѣпленный противъ Него непримиримою ненавистью, кричитъ: «распни, распни Его»; грубые воины и коварные книжники, священники и служилые люди, царь Иродъ и правитель Понтій Пилатъ, отложившіе свои личные счеты для совмѣстнаго участія въ злодѣяніи надъ невиннымъ Узникомъ,—развѣ, спросимъ мы сами себя, не выступаетъ здѣсь налицо такая совокупность условій, которою, безпощадно огорчались Его невыразимо тяжелыя страданія? Но этими же самыми страданіями намъ ясно дается понять то, что они были возмездіемъ за грѣхи цѣлаго міра, за грѣхи іудеевъ и язычниковъ, простыхъ и знатныхъ людей, за грѣхи всѣхъ и каждаго, за грѣхи каждаго и изъ насъ, носящихъ Христово имя. «Той же язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша, наказаніе мира нашего на Немъ, язвою Его мы изцѣлѣхомъ» (Ис. liii, 5).

ГЛАВА V.

Объ искупленіи чрезъ страданія и смерть невиннаго Богочеловѣка.

Для нашего примиренія съ Богомъ не достаточно было только обнажить во всемъ безобразіи самый грѣхъ, но требовалось еще и осудить его. Какъ все безобразіе грѣха обнаружилъ Своими страданіями нашъ Господь, такъ Онъ же въ теченіе всей Своей земной жизни и, особенно, на крестѣ осудилъ мірской грѣхъ и принесъ совершенное удовлетвореніе небесному правосудію. Всякое, происходящее въ мірѣ, зло, всѣ скорби, лишенія и болѣзни, кончающіяся неизбѣжною смертью, суть роковыя послѣдствія первороднаго грѣха. Слѣдовательно, совершенно безгрѣшный Богочеловѣкъ, повидимому, долженъ былъ бы проводить Свою земную жизнь въ полномъ счастіи и спокойствіи. Но то-ли мы видимъ въ дѣйствительности? Едва только появившійся на свѣтъ невинный Младенецъ уже терпитъ гоненіе отъ безпокойнаго Ирода и долженъ спасаться бѣгствомъ въ Египетъ, — и такъ, гонимый врагами въ теченіе всей Своей жизни, вынужденъ скитаться по градамъ и весямъ палестинскимъ, не имѣя, гдѣ подклонить главы, пока не преклонилъ ее на Голгоѳѣ. Какъ бы груба и черства ни была наша испорченная природа, но печальный видъ каждаго страждущаго невольно заставляетъ трепетать человѣческое сердце. Но когда въ страдальцѣ предъ нами

является невинная жертва, тогда мы приходимъ въ мучительное содроганіе предъ нагло попираемою справедливостью и подчасъ колеблемся признать существованіе высшей Правды. Не забудемъ при этомъ объ одномъ, что судьями и подсудимыми во всѣхъ случаяхъ являемся мы сами, ограниченные въ своихъ достоинствахъ и грѣховные люди и, слѣдовательно, въ нѣкоторой степени заслуживающіе наказанія. Какія же горькія чувства должны испытать мы при видѣ страждущаго Сына Божія, мучимаго не за грѣхи, которыхъ Онъ не имѣлъ, но именно за то, что Онъ не имѣлъ ихъ; причтеннаго къ злодѣямъ за то, что Имъ не совершено ни одного проступка; подвергшагося человѣческой мести за оказанныя всему міру благодѣянія? Не представляется ли при этомъ каждому непредубѣжденному наблюдателю, что точно какая-то невидимая сила намѣренно устрояла всѣ обстоятельства Христовой жизни вопреки всякимъ законамъ справедливости? И по словамъ апостола языковъ «міръ своею мудростію не позналъ Бога», благоизволившаго «юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ» (1 Кор. I, 21). Не даромъ одинъ изъ лучшихъ апологетовъ христіанства смотритъ на смерть Господа какъ на превосходящее человѣческій умъ событіе: mortuus est Dei Filius; prorsus credibile est, quia ineptum est. Если бы Господь терпѣлъ только одни тѣлесныя страданія, то какъ бы ни были они жестоки, все-таки Онъ еще могъ-бы переносить ихъ съ меньшею горечью въ виду, наприм., того, что и другіе дѣятели на различныхъ житейскихъ поприщахъ подвергались жесточайшимъ пыткамъ. Но возможность хотя бы самаго малаго утѣшенія и въ этомъ случаѣ отымалась отъ Распятаго яснымъ сознаніемъ Своей безгрѣшности и грѣховности всѣхъ людей. Страдать невинно и, притомъ, отъ беззаконниковъ,—эта мысль бросала самыя мрачныя тѣни въ чистое сердце Іисуса. «Прискорбна есть душа Моя до смерти»: такъ Самъ Страдалецъ изображаетъ Свое внутреннее состояніе (Мо. XXVI, 38). По свидѣтельству евангелиста Марка (XIV, 33).

Онъ «началъ ужасаться и тосковать»; и каковы же были Его ужасы, насколько же пламенна была молитва, когда не только Его Лице, но даже и земля орошались каплями кроваваго пота (Лк. xxii, 44)! Такъ ужасала Его мысль о преданіи «Сына Человѣческаго въ руки грѣшниковъ» (Мѳ. xxvi, 45), не однократно высказанная Имъ апостоламъ задолго еще до наступленія самыхъ страданій (Мѳ. xvi, 21; xvii, 22). Каждый разъ всякое соприкосновеніе—особенно съ нераскаянными грѣшниками—причиняло немалую печаль непорочному сердцу Богочеловѣка и было для Него тяжкимъ подвигомъ самоотреченія, жертвою въ полномъ значеніи этого слова. Извѣстно изъ евангелія, какъ Онъ сожалѣлъ о жестокосердіи Своихъ гонителей, какъ обличалъ самихъ апостоловъ за ихъ мірскія понятія о Мессіи, какъ «возскорбѣлъ и возмутился духомъ», какъ «прослезился» Онъ, видя плачущихъ сестеръ Своего «друга» Лазаря (Іо. xi, 11. 35), и какъ плакалъ въ предвѣдѣніи разрушенія Іерусалима (Лк. xix, 41). Но до наступленія Своихъ геѳсиманскихъ страданій Господь находился въ сообществѣ съ апостолами и съ другими Своими послѣдователями, несомнѣнно облегчавшими Его скорби непритворнымъ сочувствіемъ. Враги пока еще не наложили своихъ тяжелыхъ рукъ на невинную Жертву. Иное положеніе дѣло приняло послѣ того, какъ, взятый подъ стражу, Спаситель былъ оставленъ Своими учениками и преданъ «въ руки грѣшниковъ». Теперь Онъ лишился всякаго близкаго сочувствія, теперь пробилъ часъ особенно тяжкихъ для Него испытаній, въ собственномъ смыслѣ слова настала «власть тьмы» (Лк. xxii, 53). Подъ прикрытіемъ глубокой ночи обнажилъ Онъ «плещи Своя на раны и подставилъ Своя лапиты на заушенія». Въ продолженіе долгихъ часовъ отдѣленный отъ родныхъ и друзей, связанный Узникъ вынужденъ находиться въ обществѣ самыхъ грубыхъ и наглыхъ издѣвателей, видѣть ихъ озлобленныя лица, слышать ихъ хулы и ругательства, отвѣчать на коварные и праздные ихъ вопросы, неоднократно быть посмѣшищемъ толпы, выслушивать показанія

подкупленныхъ лжесвидѣтелей и смотрѣть на притворную набожность книжниковъ и первосвященниковъ.... Кажется все обрушилось на невиннаго Страдальца, что̀ только могла изобрѣсти сатанинская злоба Его враговъ.

Но этимъ еще не кончаются Его страданія. Онъ въ крайнемъ изнеможеніи Самъ долженъ нести Свой крестъ и, какъ злодѣй, распяться между двумя злодѣями. Даже висящаго на крестѣ Его не пощадили неутомимые мучители, какъ бы стараясь превзойти одинъ другого въ своихъ издѣвательствахъ. Даже распятые съ Нимъ разбойники—и тѣ въ предсмертныхъ мукахъ вмѣсто покаянной молитвы изрыгали дерзкія хулы (Мѳ. xxvii, 44), пока одинъ изъ нихъ не раскаялся въ своихъ грѣхахъ (Лк. xxiii, 42). Подлинно наступила «власть тьмы» не въ одномъ духовномъ, но, по связи съ нимъ, также и въ физическомъ мірѣ, ибо «отъ шестого часа распространилась тьма по всей землѣ до часа девятаго» (Мѳ. xxvii, 45), о которой, спустя два вѣка, упоминаетъ Тертулліанъ, какъ объ извѣстномъ событіи, засвидѣтельствованномъ архивными данными: cum mundi casum relatum habetis in archivis vestris. Несмотря на ужасныя страданія, Господь Іисусъ покорно переносилъ ихъ, подкрѣпляемый Своимъ небеснымъ Отцемъ, пока, наконецъ, не лишенъ былъ и этой послѣдней помощи и не погрузился въ глубину самыхъ нестерпимыхъ страданій. Сынъ Единородный, возлюбленный Сынъ, на Которомъ почило Отчее благоволеніе, Которому оно всегда сопутствовало и отъ Котораго никогда не отступало, — съ наступленіемъ девятаго часа сдѣлался какъ бы чадомъ неутолимаго гнѣва Божія, ничего не вѣдающаго о любви и требующаго только одной кровавой жертвы. «Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ»! — раздалось со Креста (Мѳ. xxvii, 46), раздалось во всеуслышаніе и, можетъ быть, не однажды (ст. 50), какъ выраженіе неописуемой никакими красками страшной предсмертной муки Распятаго. Это мученіе было безмѣрно страшнымъ для безгрѣшнаго Страдальца. Оно въ извѣстной степени естественно для каждаго,

обремененнаго грѣхами, смертнаго и,—какъ наказанія за такіе грѣхи, — болѣзни и даже самая смерть, можетъ быть, для исключительныхъ натуръ являются умиротворяющимъ возмездіемъ. Обо всемъ этомъ, несомнѣнно, лучше всѣхъ вѣдалъ Самъ Страдалецъ. Но облегчались-ли этимъ хоть сколько-нибудь Его страданія? Наоборотъ, они могли только усиливаться, потому что Онъ страдалъ незаслуженно и въ періодъ наиболѣе полнаго расцвѣта Своей тѣлесной природы, не вѣдавшей болѣзней; страдалъ не какъ человѣкъ, котораго общеніе съ Богомъ возникло и развивалось во времени, но какъ Богочеловѣкъ, Котораго общеніе съ Богомъ существовало отъ вѣка. По словамъ Евангелія, «Іисусъ, опять возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ» (Мѳ. xxvii, 50). Повидимому, больше нечего сказать о смерти Искупителя: «да молчитъ всякая плоть человѣча». Но богочеловѣческая Его природа настолько неисчерпаема въ своемъ содержаніи, что предоставляетъ любознательному изслѣдователю назидательный предметъ даже и тогда, когда надъ обыкновенными людьми развѣ только произносятъ надгробныя рѣчи. Дѣйствительно, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, смерть Богочеловѣка представляетъ собою не только обыкновенное чудо, но поистинѣ чудо изъ чудесъ. Почему? Потому что Онъ умеръ только въ силу свободнаго расположенія Своей собственной воли и,—выразимся еще опредѣленнѣе,—дѣйствіемъ Своего божественнаго всемогущества. Едва ли когда еще, какъ Сынъ Божій и какъ Богъ, Онъ въ такой мѣрѣ обнаружилъ поразительную силу Своего всемогущества, какъ именно въ тотъ моментъ, въ который Онъ далъ Свое соизволеніе на разлученіе Своей души отъ тѣла. Во первыхъ, какъ безгрѣшный и святой, Господь Іисусъ Христосъ естественно не долженъ былъ умирать во вѣки, ибо смерть есть неизбѣжный оброкъ грѣха. Отсюда слѣдуетъ, что соединенные ипостасно съ Божествомъ Его тѣло и духъ не могли отдѣлиться одно отъ другого иначе, какъ только чудеснымъ образомъ. Поэтому, чтобы произвести такое отдѣленіе, Господь Іисусъ

Христосъ долженъ былъ употребить всю силу Своего божественнаго всемогущества и только посредствомъ такого необыкновеннаго дѣйствія разрушить Свою чудесно организованную жизнь, которая, съ одной стороны будучи человѣческою, съ другой была божественною жизнью. Во вторыхъ, какъ Первосвященникъ новаго Завѣта по чину Мелхиседекову, только одинъ Богочеловѣкъ могъ и долженъ былъ принести Своему Отцу искупительную жертву за грѣхи всего міра. Но таковою жертвою было Его пречистое тѣло. Никто другой, слѣдовательно, какъ только Самъ верховный Первосвященникъ не имѣлъ власти принести въ жертву Его пречистое тѣло. Что же касается воиновъ, то, распиная Господа, они были только орудіемъ Божія правосудія, но отнюдь не священниками, долженствовавшими принести жертву Богу. Не грубые воины, не полувѣрующіе священники, не грѣховные люди требовались для голгоѳскаго жертвоприношенія, но Самъ святый и непорочный Первосвященникъ, выдѣленный изъ среды грѣшниковъ и облеченный особыми полномочіями. Господь Іисусъ Христосъ воистину былъ вмѣстѣ Первосвященникъ и жертва, или, какъ гласитъ литургійное моленіе, «Приносяй и Приносимый». Итакъ, Самъ Христосъ, по Отчему соизволенію, содѣлался Своимъ Первосвященникомъ (Евр. v, 5), Самъ принесъ Себя Духомъ Святымъ въ непорочную жертву Богу (Евр. ix, 14), Самъ разорвалъ чудный союзъ Своей души съ тѣломъ, согласно съ Своимъ предсказаніемъ: «Азъ душу Мою полагаю, да паки пріиму ю: никтоже возметъ ю отъ Мене, но Азъ полагаю ю о Себѣ» (Іоан. x, 17, 18). Господь умеръ на крестѣ, но, замѣчаетъ блаженный Августинъ, Онъ, строго говоря, скончался не отъ крестныхъ мученій. Извѣстно, что разбойники умерли отъ перебитія у нихъ, какъ еще дышавшихъ, голеней; между тѣмъ какъ, согласно съ пророчествомъ (Исх. xii, 46), Господь Іисусъ Христосъ въ это время уже испустилъ духъ, почему Пилатъ и удивился неожиданно скорой Его смерти (Мр. xv, 44), а

что послѣдняя послѣдовала не отъ истощенія Его силъ, это свидѣтельствуется слѣдующими словами Евангелія: «Іисусъ же, возгласивъ громко, испустилъ духъ» (Мр. xv, 37). Необыкновенное явленіе и настолько поразившее сотника, что онъ не могъ не воскликнуть при этомъ: «воистину человѣкъ сей Божій Сынъ бѣ» (ст. 39). Если бы сотникъ былъ однимъ изъ Господнихъ учениковъ, то его исповѣданіе могло бы еще казаться подозрительнымъ; но въ его лицѣ предъ нами находится невѣрующій, язычникъ, который отъ созерцанія обыкновенной смерти Распятаго прямо заключаетъ къ ея чудесности и отъ этой послѣдней—къ Божеству скончавшагося Страдальца.

Кто изъ насъ, мысленно стоящихъ на Голгоѳѣ, не задавался глубочайшими вопросами о томъ: какимъ образомъ всеправедный Богъ опредѣлилъ испить горькую чашу страданій ни въ чемъ неповинному, безгрѣшному и святому Искупителю? Не попирается ли этимъ богоустановленный нравственный законъ? Возможна ли даже самая мысль о замѣстительствѣ, и страданіями Безгрѣшнаго за виновныхъ не оскорбляется ли Божіе правосудіе?

Предъ нашимъ религіознымъ сознаніемъ поставленъ рядъ вѣчно живыхъ и жизненныхъ вопросовъ. Не ими ли всецѣло былъ занятъ и святой пророкъ, взывая въ недоумѣніи: «Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся»? (Иса. liii, 1). Не о вѣчной ли правдѣ молитвенно размышлялъ Самъ геѳсиманскій Страдалецъ, взывая къ Отцу, чтобы Онъ пронесъ мимо Него горькую чашу? И во всякое время поставленные вопросы волновали и будутъ волновать пытливый умъ, потому что Христовы страданія представляютъ собою совсѣмъ не то, что у насъ называютъ случайнымъ эпизодомъ или трагической катастрофой жизни, имѣющими преходящее значеніе. Въ богочеловѣческой жизни нѣтъ ничего случайнаго, но всякое отдѣльное событіе имѣетъ въ ней важное значеніе; равно нѣтъ ничего и

трагическаго въ общепринятомъ значеніи слова, ибо Христосъ страдаетъ и умираетъ не какъ побѣжденный, но какъ побѣдитель: «Азъ побѣдихъ міръ» (Іоан. xvi, 33), говоритъ Онъ Своимъ ученикамъ въ прощальной бесѣдѣ, а послѣднимъ Его словомъ на крестѣ было: «совершилось» (Іо. xix, 30). Но если Его страданія представляютъ собою существенно важный моментъ въ дѣлѣ нашего спасенія, если они служатъ переходною ступенью къ Его славѣ, то, слѣдовательно, и наши страданія не суть только зло въ самихъ себѣ и въ своихъ слѣдствіяхъ, но, въ силу нашего благодатнаго единенія со Христомъ, являются *залогомъ* нашего вѣчнаго блаженства. Такимъ образомъ, «крестное Слово» явится для насъ, спасаемыхъ, подлинно «силою Божіей», а «юродствомъ» будетъ казаться только для «погибающихъ» (1 Кор. i, 18). Да и сами отрицатели значительно смягчили бы свои рѣзкія сужденія о догматѣ искупленія, если бы содержащаяся въ немъ «премудрость» (1 Кор. i, 24) не была ложно понята различными церквеотступниками.

Какъ ни силенъ былъ богословскій геній кентерберійскаго архіепископа, однако, построенная имъ теорія искупленія не можетъ удовлетворить даже не очень требовательныхъ мыслителей. По саркастическому замѣчанію одного изъ передовыхъ критиковъ отрицательнаго направленія Ан*зельмова* теорія походитъ на «Ньютоновъ параллелограммъ, въ которомъ божественная любовь сама по себѣ требовала совершеннаго помилованія, божественное правосудіе такъ же само по себѣ—безпощаднаго наказанія виновныхъ, а изъ взаимодѣйствія обѣихъ получилась въ результатѣ діагональ сатисфакціи». Приведенный отзывъ несомнѣнно рѣзокъ, но и справедливъ въ томъ отношеніи, что открываетъ слабую сторону разсматриваемой теоріи, состоящую въ очень ограниченномъ воззрѣніи на божественную жизнь, допускающемъ въ ней противоположность между благостью и правосудіемъ. Не безъ основаній указываютъ, далѣе, на отображающееся въ этой теоріи омірщенное церковное сознаніе рыцарскихъ сред-

нихъ вѣковъ, съ свѣтскимъ воззрѣніемъ на оскорбленіе чести, требующее сатисфакціи, и на перенесеніе этого ложнаго воззрѣнія на отношеніе между Богомъ и человѣкомъ. Несправедливо, говорятъ, на чисто-нравственный подвигъ, каково искупленіе, смотрѣть какъ на долговое обязательство, по которому имущій платитъ кредитору за несостоятельнаго должника. Само собою понятно, что, имѣющія значеніе по отношенію къ Анзельмовой теоріи, указанныя возраженія совершенно не относятся къ разсматриваемому догмату и безсильны поколебать православное ученіе объ искупленіи.

Каждый справедливо страдалъ бы самъ за себя только въ такомъ случаѣ, если бы человѣчество въ его цѣломъ представляло изъ себя безпорядочную груду ничѣмъ не связанныхъ между собою песчинокъ, и если бы люди существовали одинъ около другого чисто внѣшне, безъ внутренней связи и безъ всякихъ обоюдныхъ интересовъ. Въ дѣйствительности же человѣчество образуетъ изъ себя единое стройное цѣлое, въ тѣсной органической связи составляющихъ его частей. Поэтому ни одинъ, даже самый заурядный, смертный не страдаетъ только за свои личные грѣхи, но каждый признанъ считаться съ послѣдствіями грѣховъ своихъ собратьевъ; никто не производитъ какого-либо грѣха только однѣми своими силами, но послѣдній въ большей или меньшей степени обязанъ участію также и другихъ людей. Страдая за свой грѣхъ, каждый, слѣдовательно, несетъ отвѣтственность вмѣстѣ и за дѣянія ближнихъ. Когда въ какомъ-либо семействѣ, въ обществѣ или въ народѣ совершается преступленіе, то всѣ чувствуютъ себя повинными въ немъ, но особенно лучшіе и благородные люди, на первый взглядъ имѣющіе наиболѣе основаній считать себя совершенно непричастными преступнымъ событіямъ. Такъ происходитъ въ маломъ, такъ и въ великомъ. Цѣлый міръ, вся вѣковая исторія человѣчества изобилуютъ такими «замѣстительными» страданіями, страданіями, относительно говоря, невинныхъ съ винов-

ными и за виновныхъ. Съ поразительною силою это замѣстительство въ страданіяхъ выступаетъ въ извѣстныхъ историческихъ личностяхъ, называемыхъ поэтому «трагическими». Онѣ обыкновенно погибаютъ въ неравной борьбѣ съ неодолимыми обстоятельствами, правда, не безъ своей вины; однако вина этихъ личностей сравнительно ничтожна съ выпадающими на ихъ долю страданіями и по сопоставленію съ виновностью другихъ людей, за которыхъ онѣ терпятъ въ качествѣ ихъ замѣстителей, между тѣмъ какъ эти другіе люди или совершенно не подвергаются страданіямъ, или несутъ ихъ въ очень малой мѣрѣ. Вспомнимъ, наприм., о французскомъ королѣ Людовикѣ XVI и объ ужасной его кончинѣ. Самъ король, правда, не былъ неповиненъ въ своей участи, но послѣдняя своей жестокостью превзошла мѣру его личной виновности и можетъ быть понята не иначе, какъ только въ видѣ жертвы за недостойныхъ его предшественниковъ. Если мы представимъ себѣ бурбонскій домъ, отъ Людовика XIII до XVI, единымъ цѣлымъ и если сравнимъ тяжкіе политическіе грѣхи и счастливую участь трехъ первыхъ Людовиковъ съ неболѣе важными проступками ихъ несчастнаго наслѣдника, то несомнѣнно придемъ къ заключенію, что послѣдній понесъ наказаніе не за одни свои, но и за чужія преступленія.

Смущающая возражателей мысль о замѣстительствѣ въ страданіяхъ искони была сродна человѣческой душѣ, въ противномъ случаѣ мы не встрѣчали бы ее — можно сказать — на каждомъ шагу при разсмотрѣніи не говоримъ уже священной, но даже и языческой письменности. Такъ, наприм., въ Эсхиловомъ «Прометеѣ» Меркурій обращается къ скованному плѣннику съ такими словами: «не думай, чтобы твоя казнь окончилась прежде, чѣмъ Богъ принесетъ Себя въ жертву, чтобы замѣнить тебя въ твоихъ страданіяхъ, и добровольно захочетъ снизойти ради тебя въ жилище Плутона, въ мрачныя бездны тартара». Знаменитый Эврипидъ посвятилъ цѣлыхъ четыре трагедіи непоколебимой вѣрѣ древ-

нихъ въ замѣстительство страданій. Одна изъ его героинь, Альцеста, идетъ на смерть за своего жениха, другая Ифигенія, — за греческую армію и пр. Изъ устъ всего до христіанскаго человѣческаго раздается, по характерному выраженію одного изъ апологетовъ, согласная la mélodie des soupirs, чаяніе святого Искупителя, имѣющаго Своими страданіями очистить людей отъ грѣха и примирить имъ съ Богомъ.

Итакъ, мысль о замѣстительствѣ въ страданіяхъ не представляетъ собою чего-либо противорѣчущаго житейскому опыту и человѣческому сознанію, особенно если принять въ соображеніе аналогичные случаи распространенія въ человѣчествѣ всевозможныхъ знаній, открытій и изобрѣтеній, которыми пользуются всѣ, и никто никогда не сомнѣвался въ своемъ правѣ — наслѣдствовать не имъ, а другими пріобрѣтенныя блага. Нечего, стало быть, изумляться и тому, что Господь Богъ благоизволилъ искупить грѣшниковъ крестными страданіями Своего Сына. Голгооскую жертву принесъ не относительно только невинный, мѣра страданій Котораго значительно превышала бы степень его виновности, но совершенно непорочный, чистый и святый, Самъ Сынъ Божій, безмѣрная тяжесть страданій Котораго обусловливалась именно Его безконечною святостью и Который поэтому испилъ ихъ смертную горечь въ такой мѣрѣ, въ какой могла испить только Его богочеловѣческая природа. Такимъ образомъ законъ замѣстительства проявился на Голгооѣ во всей его полнотѣ и величіи: наказаніе было возложено на Невиннаго для того, чтобы мы получили миръ, и исцѣлились Его ранами (Ис. LIII, 5). Съ самаго воплощенія Онъ вступилъ въ среду человѣчества не только какъ его членъ, но и какъ его Глава, какъ второй Адамъ, почему и принялъ на себя вину всего человѣчества, почему и страждетъ, какъ грѣшникъ, и причисляется къ злодѣямъ. Не принужденно, но добровольно подъялъ Онъ Свой крестъ по неизреченной любви къ грѣшному человѣчеству и тѣмъ оказалъ совершенное послушаніе Богу

Отцу (Рим. v, 19), завершившееся крестною Смертью: «смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя» (Фил. ii, 8). Господь Искупитель не Самъ лично содѣлался проклятымъ, но Онъ принялъ на Себя, вмѣсто насъ, проклятіе закона, чтобы въ положеніи искупительной жертвы свободить насъ отъ проклятія. Въ совершенномъ послушаніи Отчей волѣ и въ страданіи за людей Господь І. Христосъ является, именно, какъ святая и непорочная Жертва, и, вслѣдствіе именно Своей непорочности, какъ Побѣдитель грѣха съ его послѣдствіями, какъ Искупитель міра и какъ Начальникъ новой благодатной жизни человѣчества. Ради безмѣрныхъ заслугъ второго Адама Господь Богъ, по святому суду Своей удовлетворенной правды, проявляетъ Свое благоволеніе и на благодатно соединенное съ Его Сыномъ человѣчество. Величайшимъ же знаменіемъ того, что крестная смерть Господа І. Христа была жертвою не за Его грѣхи, но за грѣхи людей, добровольно принятые Имъ на Себя, служитъ Его воскресеніе.

ГЛАВА VI.

Воскресеніе Христово.

7 апрѣля 33 года нашей эры былъ распятъ «I. Назарянинъ, царь іудейскій». Испустивъ Свой послѣдній вздохъ въ 3 часа пополудни, Онъ, согласно съ іудейскими религіозными обычаями, былъ въ тотъ же вечеръ погребенъ въ гробницѣ, къ которой Его враги привалили огромный камень и приставили стражу. «Распятъ, умеръ и погребенъ»,—такъ, повидимому, завершилось земное поприще Спасителя, и если бы Онъ былъ не болѣе, какъ только обыкновенный смертный, то и Его жизнеописаніе не переступило бы за предѣлы могилы. Въ самомъ дѣлѣ, еще никакая человѣческая жизнь, какъ бы ни былъ по своему внѣшему положенію и нравственно великъ ея носитель, не даетъ біографу какихъ-либо свѣдѣній послѣ того, какъ ея описаніе доведено до послѣдняго смертнаго вздоха. Казалось, что и Распятаго Христа ожидала такая же печальная участь. Въ дѣйствительности произошло совсѣмъ наоборотъ.

Раннимъ утромъ 9 апрѣля, «на третій день», распространился слухъ о томъ, что распятый Пророкъ воскресъ и явился Маріи Магдалинѣ и другимъ мvроносицамъ (Мр. xvi, 1—9). Вначалѣ не повѣрившіе словамъ ихъ (Лк. xxiv, 11) апостолы въ тотъ же день сами сподобились увидѣть Воскресшаго и разговаривали съ Нимъ (Лк. xxiv, 12—44; I Кор. xv, 4—9). Чѣмъ далѣе про-

текало время, тѣмъ болѣе разносился этотъ необыкновенный слухъ съ подробностями о томъ, при какихъ разнообразныхъ обстоятельствахъ происходили явленія Воскресшаго, какъ Онъ указаніемъ на язвы Свои и вкушеніемъ пищи удостовѣрялъ дѣйствительность Своего тѣлеснаго воскресенія; какимъ яркимъ пламенемъ запылала опять омраченная на время вѣра апостоловъ въ божественное достоинство своего Учителя, и съ какимъ великимъ дерзновеніемъ они начали благовѣствовать о воскресеніи Христовомъ. Насмѣшки и поношенія, суды и наказанія, пытки и даже страхъ самой смерти—ничто не могло удержать неустрашимыхъ благовѣстниковъ отъ «свѣтлой проповѣди воскресенія».

Необыкновенная по своему содержанію и могучая по дѣйствію на человѣческія сердца апостольская проповѣдь вскорѣ же возбудила стоустые толки о томъ: «откуда сами апостолы узнали о воскресеніи Христовомъ»? «Самъ Воскресшій являлся намъ»,—такъ приблизительно отвѣчали апостолы,—«мы видѣли Его своими очами, мы осязали Его (I Іоан. 1, 1), мы ѣли и пили съ Нимъ (Дѣян. 10, 41); а кто сомнѣвается въ воскресеніи, тотъ колеблетъ вѣру, на которой зиждется Христова церковь» (I Кор. XV, 14—32).

Даже самая пристрастная критика не осмѣливается въ настоящее время отрицать несомнѣнное существованіе вѣры апостоловъ въ тѣлесное воскресеніе Христово. Эта вѣра имѣла для нихъ величайшее значеніе. Не таково, однако, по мнѣнію отрицателей, религіозное значеніе воскресенія Христова.

Такъ какъ послѣднее относится къ тѣлесной природѣ Искупителя, то,—говорятъ,—оно не имѣетъ существенной важности для спасенія. Чтобы спастись, для этого не необходимо вѣровать въ воскресеніе Христово, потому что оно не имѣетъ догматическаго значенія.

Все дѣло, по мнѣнію возражателей, сводится только къ вѣрѣ апостоловъ въ воскресеніе Распятаго, какъ въ историческое событіе; что же касается насъ, то мы

должны признать только за фактъ апостольскую вѣру, безъ которой рѣшительно непостижимо появленіе христіанства въ мірѣ. Въ разсужденіи самихъ апостоловъ вѣра въ воскресеніе Христово служила необыкновенно сильнымъ средствомъ къ утвержденію ихъ мужества въ проповѣданіи евангелія; прочіе же могутъ спокойно довольствоваться меньшимъ. Воскресъ или истлѣлъ въ могилѣ Распятый,—это, говорятъ, безразлично для позднѣйшихъ поколѣній. Достаточно того, что существуетъ христіанская церковь и что она зиждется на апостольской вѣрѣ въ воскресеніе Христово. Само собою понятно, что возражателямъ остается одинъ изъ двухъ исходовъ: или утверждать, что Христосъ не умиралъ; стало быть, Онъ и воскресъ только отъ мнимой смерти. Таково происхожденіе теоріи о летаргическомъ снѣ Распятаго. Или, признавъ дѣйствительность Его смерти, — утверждать, что Онъ совсѣмъ не воскресъ, а только возбужденное воображеніе апостоловъ дошло до крайнихъ предѣловъ болѣзненности и представляло имъ въ видѣніяхъ мнимо воскресшаго Господа. Таково происхожденіе визіонерной теоріи. Не упоминаемъ о третьей теоріи, точнѣе— о нелѣпой баснѣ, будто «ученики, пришедши ночью, украли» тѣло Іисусово во время глубокаго сна оплошной стражи (Мѳ. xxviii, 13), потому что сами составители этой басни теперь краснѣютъ отъ стыда за поразительную ея нелѣпость. Можно съ увѣренностью сказать, что и теорія мнимой смерти Спасителя нынѣ отжила свой вѣкъ. Шлейермахеръ и Газе, Гердеръ и Гфрёреръ сами отказались бы теперь отъ своего противорѣчущаго точной исторіи и здравому смыслу предположенія. Сильный ударъ упомянутой теоріи нанесъ Д. Штраусъ извѣстными словами: «Іисусъ, выбравшійся изъ гроба полумертвымъ, съ трудомъ передвигающій ноги, нуждающійся во врачебной помощи, въ перевязкахъ, въ подкрѣпленіи и въ уходѣ и, при всемъ томъ, въ концѣ концовъ изнемогающій отъ страданій, рѣшительно не могъ произвести на Своихъ учениковъ впечатлѣніе Побѣдителя

ада и смерти,—Начальника жизни, на Которомъ основалось потомъ выступленіе ихъ на проповѣдъ. Такимъ возвращеніемъ къ жизни могло только ослабиться впечатлѣніе, произведенное Имъ на апостоловъ при жизни и смерти, и много-много развѣ оно могло вызвать въ нихъ элегическую ноту, только отнюдь не могло обратить ихъ печаль въ одушевленіе и возвысить ихъ почтеніе на степень поклоненія».

Не въ лучшемъ положеніи находится и визіонерная теорія въ двухъ своихъ развѣтвленіяхъ: субъективныхъ и объективныхъ видѣній. Считать ли явленія Воскресшаго Господа воплощеніемъ пережитыхъ самими апостолами душевныхъ состояній, или дѣйствіями Божія всемогущества, имѣвшими своею цѣлью укрѣпить вѣру апостоловъ въ торжество Спасителя надъ адомъ и смертью,—въ томъ и въ другомъ случаѣ остается нерѣшеннымъ существенно-важный вопросъ о мѣстопахожденіи тѣла Господа. Гдѣ же оно лежало, и что̀ именно произошло съ нимъ? Почему враги Распятаго, если Онъ не воскресалъ, тотчасъ же не обличили страшный обманъ? Ужели ни одинъ изъ приверженцевъ Іисуса не былъ столь недовѣрчивъ и любопытенъ, чтобы не пойти ко гробу и самолично не изслѣдовать дѣло? Ужели никто не былъ настолько честенъ, чтобы происшедшее при запечатанномъ гробѣ какое-то явленіе не объявить за самообманъ и за простое видѣніе? Ужели ни одинъ изъ многочисленныхъ враговъ не былъ такъ сообразителенъ, чтобы не осмотрѣть гробъ и не изнести изъ него еще не истлѣвшее тѣло? Не забудемъ того, что синедріальными членами состояли не однѣ нравственно-развращенныя, но также и высоко-честныя личности. Такъ, напримѣръ, знаменитый Гамаліилъ, конечно, разбилъ бы вдребезги свидѣтельства апостоловъ о Воскресшемъ, если бы располагалъ для этого достаточными данными. Что же мы видимъ въ самомъ дѣлѣ? Указавъ синедріону на безплодныя попытки Ѳевды изобразить изъ себя «кого-то великаго» и Іуды галилеянина — увлечь за собою

толпу, почтенный членъ синедріона произнесъ знаменитыя слова: «отстаньте отъ людей сихъ; ибо если это предпріятіе и дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; если же оно отъ Бога, то вы не можете разрушить его. Берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками» (Дѣян. v, 34—39). Какимъ образомъ, спросимъ мы далѣе, отъ простыхъ видѣній свв. апостолы пришли къ вѣрѣ въ тѣлесное воскресеніе Господа? Вышеуказанныя затрудненія нисколько не устраняются и тѣмъ предположеніемъ, по которому отдѣлившійся отъ тѣла духъ Распятаго, будто бы по особому дѣйствію Божія всемогущества, на одно мгновеніе явился ученикамъ, точно «телеграмма съ неба», извѣстившая ихъ о прославленномъ состояніи Воскресшаго. Но опять спрашивается: а гдѣ находилось тѣло? И какимъ образомъ отъ призрачнаго явленія Распятаго ученики заключили къ Его тѣлесному воскресенію? Сколько ни старается критика рѣшить по-своему эти вопросы, всѣ ея попытки еще разъ свидѣтельствуютъ только объ истинности и незыблемости божественныхъ основъ христіанства и о горестномъ ослѣпленіи человѣческаго ума, платящаго позорную дань преступнымъ вожделѣніямъ сердца.

Но предъ нами еще другой, и опять несомнѣнный даже для самихъ отрицателей, фактъ, — это 19-вѣковое существованіе христіанской Церкви, съ ея внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ, съ ея вѣро- и нравоученіемъ, съ богослуженіемъ и обрядами. Пусть намъ покажутъ визіонеристы, какимъ образомъ такое величайшее въ мірѣ событіе, какъ происхожденіе христіанской Церкви, обязано болѣзненнымъ привидѣніямъ галилейскихъ рыбарей? Къ величайшему изумленію отрицатели чрезвычайно смѣло берутся за рѣшеніе поставленнаго вопроса. «Что изъ того, что Церковь основана на видѣніяхъ»? — говорятъ они. «Бываютъ такія видѣнія, въ которыхъ содержится истины болѣе, чѣмъ въ самыхъ очевиднѣйшихъ доказательствахъ. Такъ, наприм., видѣнія св. Антонія, Ансгара, Бернарда и Франциска имѣли несравненно

большее историческое значеніе, нежели фоліанты философскихъ размышленій».

Какъ видно, возражатели выходятъ изъ ничѣмъ не доказаннаго предположенія объ основаніи Церкви на видѣніяхъ и уже однимъ этимъ подписываютъ свой смертный приговоръ. Безспорно, далѣе, что иныя видѣнія, каковы, напримѣръ, вышеупомянутыя, сопровождались болѣе важными историческими послѣдствіями, нежели безплодныя умствованія плохихъ мыслителей. Не въ этомъ, однако, дѣло, а въ неоспоримомъ превосходствѣ явленій надъ видѣніями, что́ и слѣдовало бы имѣть въ виду критикѣ и что́ она напрасно проглядѣла. Если, по ея же словамъ, велико историческое значеніе видѣній, то во сколько же кратъ должно быть большимъ значеніе явленій? Изъ простыхъ видѣній лицъ, на которыхъ ссылается критика, не произошло всемірно-великихъ дѣлъ; и, наоборотъ, такое всемірно-историческое событіе, какъ основаніе и утвержденіе христіанской Церкви въ мірѣ,— событіе, совершенно несоизмѣримое съ аскетическими подвигами вышеупомянутыхъ пустынниковъ, должно быть признано основаннымъ на апостольской вѣрѣ именно въ явленія, а не въ видѣнія Воскресшаго. Нужно замѣтить, что въ новозавѣтныхъ св. книгахъ явленія строго отличаются отъ видѣній, и о каждомъ порядкѣ данныхъ событій такъ и повѣствуется, какимъ оно было въ дѣйствительности. Наприм., въ Дѣян. ix, 1 — 9 излагается явленіе Господа гонителю Савлу, а въ слѣдующемъ стихѣ передается о видѣніи Господа ученику Ананіи; ср. также xxii, 6—16 съ 17—21 и др. мѣста, изобличающія крайнюю тенденціозность отрицательной критики по разсматриваемому предмету. Ссылка на монтанистовъ, камисардовъ, скакуновъ и различныхъ иллюминатовъ не только не подтверждаетъ, а въ конецъ поражаетъ визіонерную теорію. Между тѣмъ, какъ видѣнія перечисленныхъ галлюцинантовъ были многочисленны и продолжались не малое время, упоминаемыя въ новозавѣтныхъ книгахъ явленія Воскресшаго извѣстны наперечетъ, про-

исходили не безпорядочно и не обнаруживали какихъ-либо постепенныхъ ослабленій. Даже при своемъ повтореніи они не сопровождались какимъ-либо нервнымъ потрясеніемъ. Явленія Господа прекратились всѣ и очень быстро. Это послѣднее обстоятельство съ точки зрѣнія визіонеристовъ рѣшительно необъяснимо, потому—что слишкомъ очевиденъ и совершенно необыченъ рѣзкій контрастъ между энтузіазмомъ и видѣніями, съ одной стороны, и внезапнымъ ослабленіемъ перваго и исчезновеніемъ послѣднихъ—съ другой. Что могло бы пожалуй произойти съ наиболѣе уравновѣшенными отдѣльными лицами, то совершенно немыслимо въ отношеніи большого числа вѣрующихъ. Массовое возбужденіе вѣдь никогда не успокоивается какъ бы по чудесному мановенію, мгновенно, но продолжается болѣе или менѣе долгое время. И, однако же, намъ ничего неизвѣстно, наприм., о третьемъ видѣніи двѣнадцати апостоловъ или о второмъ — пятисотъ братій. Видѣнія—говоримъ языкомъ отрицателей—не только прекратились, но даже уступили мѣсто другому противоположному душевному настроенію, такъ какъ, немедленно послѣ видѣній, апостолы принялись за устроеніе Церкви и стали проповѣдовать о воскресеніи Христовомъ. Съ точки зрѣнія визіонерной теоріи, рѣшительно необъяснимъ столь внезапный переходъ изъ нервозно-экзальтированнаго состоянія къ совершенно спокойному самообладанію и, при всемъ одушевленіи, — къ чисто дѣловому настроенію, обнаружившемуся въ учительной и организаторской дѣятельности апостоловъ. Видѣнія обыкновенно происходятъ во время сильнаго внутренняго возбужденія, при которомъ галлюцинанты почти не владѣютъ собой и въ такомъ состояніи восторженно созерцаютъ вызванные своимъ нервнымъ состояніемъ призраки. Совсѣмъ не таковы описанныя въ евангеліи явленія Воскресшаго. Они происходятъ совершенно неожиданно для апостоловъ, въ самой разнообразной, но всегда въ простой обстановкѣ, безъ какихъ-либо приготовленій; они спокойны и, сообразно съ своимъ высокимъ назна-

ченіемъ, величественно-серьезны, причемъ апостолы и др. вѣрующіе не сразу узнаютъ Господа,—чего не бываетъ въ видѣніяхъ,—а только спустя нѣкоторое время. Такъ, наприм., Марія Магдалина вначалѣ приняла Воскресшаго за садовника (Іоан. xx, 15), равно какъ и апостолы, во время лова рыбы на Тиверіадскомъ озерѣ, «не узнали» въ явившемся имъ «Іисуса» (Іоан. xxi, 4); не узнали Его и эммаусскіе путники (Лк. xxiv, 16).

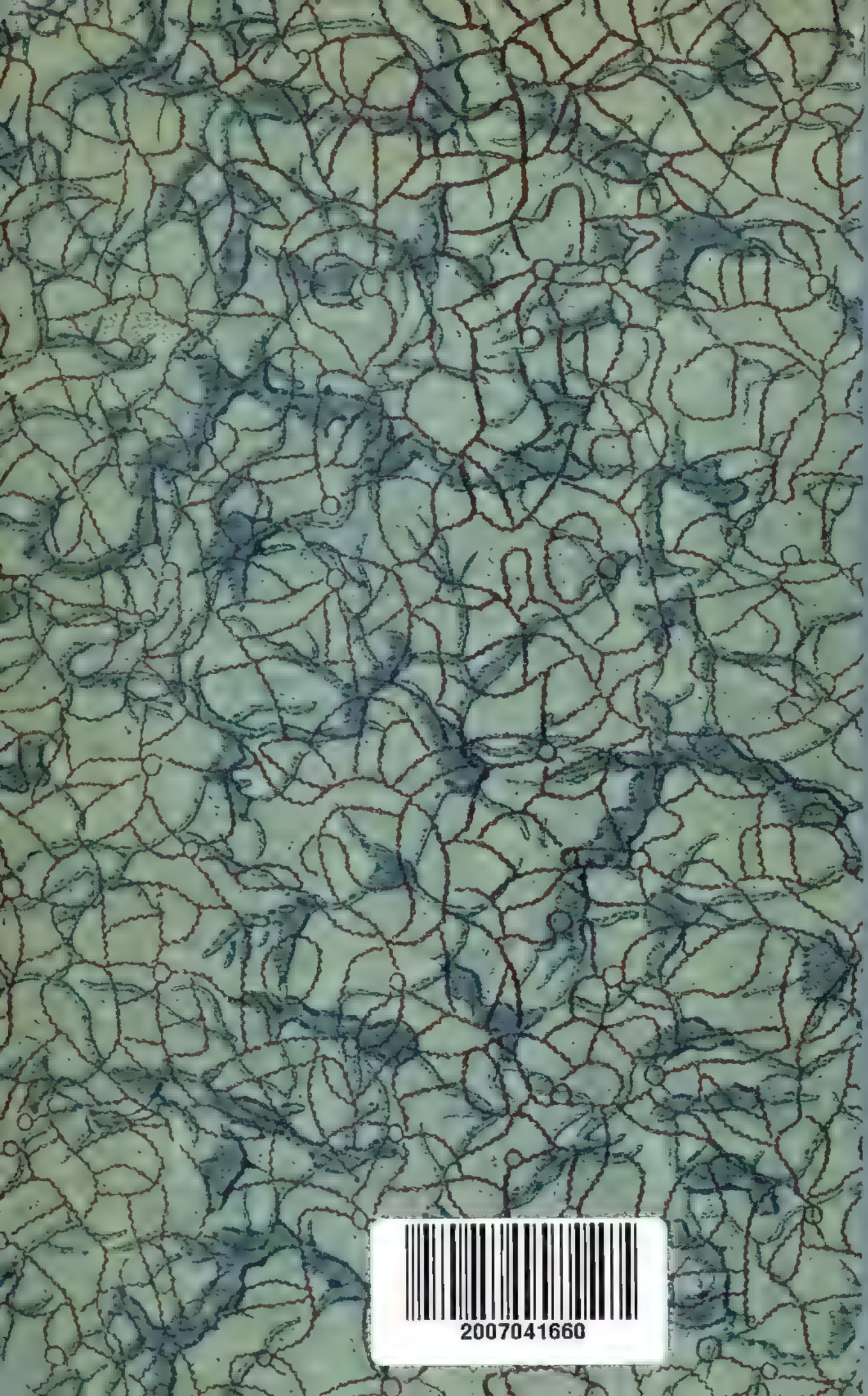
Не смущаясь упомянутыми затрудненіями, визіонеристы указываютъ на мнимое самопротиворѣчіе въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о Воскресшемъ: то Онъ вкушаетъ пищу, слѣдовательно, Его тѣло такое же, какъ и наше; то Онъ проходитъ сквозь затворенныя двери, слѣдовательно, оно отличается отъ нашего тѣла. Однимъ, говорятъ, исключается другое; двухъ противоположныхъ мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ быть не можетъ. И, при всемъ томъ, визіонеристы неправы. Напрасно они воображаютъ, будто намъ извѣстны всѣ явленія природы. Несмотря на безпримѣрно высокое развитіе современнаго естествознанія, многое еще изъ таинственной области природы сокрыто отъ научнаго изслѣдованія. Не на этихъ ли только дняхъ экспериментальная физика открыла, наприм., рентгеновскіе лучи, проникающіе сквозь непрозрачно-плотную матерію? И не ученые ли естествовѣды, можно сказать, только еще накануне открытія таинственныхъ лучей, по всѣмъ правиламъ науки отрицали ихъ необыкновенное свойство? По мнѣнію лучшихъ ученыхъ нашего времени картезіанское раздѣленіе субстанціи на мыслящую и протяженную отжило свой вѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изочтены дни и грубаго матеріализма. По существу единая матерія безконечно разнообразится въ своихъ проявленіяхъ и предназначена быть послушнымъ орудіемъ воли, и послѣдняя всецѣло распоряжалась бы ею, если бы не произошло отпаденія человѣка отъ Бога, какъ и наоборотъ, матерія совершенно послушна нашему Господу, въ силу Его полнѣйшаго единенія съ Своимъ Отцемъ. Вотъ почему Воскресшій Спаситель могъ и принимать пищу, и

проходить въ горницу «дверемъ затвореннымъ». Возраженія противниковъ проистекаютъ изъ грубаго и наивнаго воззрѣнія на матерію, представляющую собою будто бы только одну неподвижную массу, не допускающую на себя воздѣйствія духа, — воззрѣнія, пынѣ, къ счастью, оставленнаго передовыми естествовѣдами...

Таковы наиболѣе важныя возраженія противъ чуда воскресенія Христова. Производимое ими впечатлѣніе безотрадно, но только по отношенію къ самимъ возражателямъ. Пріемы и самый процессъ отрицательной критики слишкомъ напоминаютъ собою пристрастное судебное слѣдствіе, отъ котораго невинно-обвиняемый не можетъ ожидать себѣ ни пощады, ни справедливости. Тенденціозные ученые въ существѣ дѣла являются соучастниками злодѣянія, произведеннаго назадъ тому двѣ тысячи лѣтъ надъ Спасителемъ міра. И теперь, какъ тогда, ухищренно и коварно допрашиваютъ неправедно Обвиняемаго, клевещутъ на Него и Его злословятъ, и теперь еще ведутъ Его на Голгоѳу и распинаютъ на крестѣ, попирая ногами пролитую Имъ кровь Новаго Завѣта. Обезумѣвшіе и опьяненные люди поистинѣ не вѣдаютъ, что творятъ, ибо «если бы знали, то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. II, 8).

А между тѣмъ, что только есть возвышеннаго и прекраснаго въ общественной и семейной жизни, во всѣхъ наукахъ и въ искусствахъ, чѣмъ только христіанскіе народы счастливо выдѣляются изъ другихъ, непросвѣщенныхъ евангеліемъ, народовъ, — всѣ роскошные плоды образованія и нравственности произросли подъ животворнымъ дѣйствіемъ христіанства. Непонятное холодному разсудку и чуждое испорченному человѣческому сердцу, апостольское благовѣстіе о воскресеніи Христовомъ въ высшей степени отрадно для каждой неиспорченной и не потерявшей любви ко всему доброму души. Съ какимъ великимъ благоговѣніемъ, съ какою трепетною радостью, съ какою непоколебимою вѣрою въ благое Провидѣніе повергаются къ подножію креста всѣ

алчущіе и жаждущіе правды, всѣ плачущіе о своихъ и чужихъ грѣхахъ, всѣ, ищущіе истинной жизни! И ни одна душа, имѣющая хоть «сколько-нибудь» вѣры (Марк. іх, 23), не остается безутѣшной: «ничтоже да сумнится, ибо ничимже отщетѣвается». Непавистный и мрачный дотолѣ міръ представляется теперь человѣку свѣтлымъ селеніемъ славы Божіей, откровеніемъ безмѣрной любви Отца небеснаго къ Его искупленнымъ чадамъ и естественнымъ поприщемъ для пріуготовленія себя къ вѣчности. Ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненія, ни болѣзни, ни даже самая смерть не страшатъ болѣе «имущаго упованіе» христіанина. Для него «жизнь — Христосъ, и смерть — пріобрѣтеніе» (Фил. і, 21), ибо онъ вѣруетъ, что «какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ» (1 Кор. хv, 22). Каждая личная жизнь съ ея радостями и печалями, а также и жизнь отдѣльныхъ народовъ, равно какъ и вся міровая исторія съ неисчерпаемымъ разнообразіемъ лицъ и событій, съ возникновеніемъ и разрушеніемъ царствъ, не представляются ему болѣе случайною смѣною явленій, но получаютъ свой особый смыслъ и значеніе и освѣщаются съ точки зрѣнія высочайшей цѣли: «да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ» (1 Кор. хv, 28). Съ твердою вѣрою въ благой Промыслъ проходитъ христіанинъ свое житейское поприще; терпѣливо несетъ онъ свыше ниспосланный ему крестъ, пока наконецъ, не достигнетъ небеснаго Іерусалима (Евр. хіі, 22). «Ей, гряду скоро», слышится ободрительный голосъ утомленному въ этой жизни путнику, и отъ полноты вѣрующаго сердца онъ радостно взываетъ къ имѣющему пріити Судіи живыхъ и мертвыхъ: «ей, гряди, Господи Іисусе!» (Апок. ххіі, 20).


2007041660